

Сергей Супремов

Робокол

Сергей Супремов

Робокол

«Издательские решения»

Супремов С.

Робокол / С. Супремов — «Издательские решения»,

Битва за арктические ресурсы вступает в активную фазу. Кто думал, что лишь северные державы претендуют на огромные запасы, узнал, что в игру вступили Япония и ... Новая Гвинея. Чем противостоять армиям конфликтующих друг с другом северян? Фавориты гонки за углеводородами неожиданно ослабли и потеряли интерес к шельфу. Что заставило сверхдержавы отвернуться от богатств? В игре возникает «Робокол» — небесный корабль, знавший Арктику до появления там первых судов.

Содержание

Небесный бриз	6
Кто вы такие?	7
Разрешение яда	9
Первая странность	11
Волки	12
Театр абсурда	14
Они	16
Казус	19
Внизу	21
Поделился	22
Имото	24
Страна восхода	25
Карты с деньгами	27
Цена	29
Рауль	31
Мечта девушки	33
Неправильные пираты	35
Покусанный	38
Опять имя Дитер	40
Метавестика	42
Токийская кошка	47
Дети спасут мир	48
Курящий остров	51
Отраженная	53
Две по сто	54
Незаконный	56
Бездельник	58
Спецзадание птиц	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Робокол

Сергей Супремов

© Сергей Супремов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небесный бриз

Ветер раскачивал чертову люльку, так что достойно рисовать было невозможно. Дозорный то и дело выкрикивал послания на своем кривом английском. Но и без его подгоняющих реплик было ясно: времени в обрез, минута-две – и на горизонте покажется неприятель.

Новое название – «Скайбриз». Такой неуклюжей посудине больше бы подошло смешное, каламбурное имя, но капитан – поэт. Новый порыв ветра швырнул подвесное креслице к борту, и Дитер больно стукнулся бедром.

– Тяни давай! – выкрикнул художник, и его люлька очутилась наверху всего за минуту до появления мачт на горизонте.

– Живо за бумагами...

Капитан волновался не из-за враждебных мачт, но больше, чтобы Дитер поспел к сроку и нигде не оплошал.

«Чего он, на самом деле, так дергается? С мусором нервничал, и зачем только, паршивые бутылки и пакеты – да пусть бы все опять в океан смыло!»

Неделю назад Дитеру не только присвоили сокращенное имя – Дима, но и поставили на участок сортировки. Собранный в океане пластик перерабатывался на корабле, там же гранулировался и отправлялся в трюм, ждать своей отгрузки в Японию. Уму непостижимо, сколько дряни плавает в водах Индийского океана. Мичман по два раза в день приносил сводки о новых скоплениях грязи, и корабль брал курс на «мусорные пятна».

Через пять дней после отъезда из Германии Дитер узнал о мировом мусоре все: и что океанские круизные лайнеры – это мировые лидеры в прямых поставках пластикового хлама в безбрежные воды морей и океанов, и что подводные течения собирают мусор в кучи и несут по своим каналам, пока не происходит встреча с неглубокими рифами или сезонными водоворотами. В сезон при стабильных течениях на коралловых отмелях образуются целые острова-надстройки из прозрачного полипропилена. Корабли удирают от таких мусорных островов, принимая их за тающий айсберг Антарктических морей. Полугодовой морской пластик может встроиться в пищевую цепочку морских обитателей...

Да, но то была первая работа, а со вчерашнего дня над пластиком взяли верх бумаги. Пришлось прибегнуть к избитым хитростям: подделке документов, липовой приписке судна и, как следствие, исправлению названия на борту и появлению либерийского флага на мачте. «Робокол» канул в воду, и ее место занял «Скайбриз».

– Капитан говорит первым, ты стоишь за его спиной с писульками и по приказу суешь им бумаженции. Все там в норме?

Мичман смотрел с недоверием, выуживал признание. Или это такая привычка оттопыривать нижнюю губу и дышать через рот часто и нервно?

Дима успокоил его, как мог, изобразив интонацию профессионала, не раз имевшего дело с морским надзором ООН. Дела же обстояли так, что парень не представлял, как все будет проходить, и боялся куда больше мичмана, капитана и всей остальной команды.

– Во мне холодная северная кровь, – произнес он и перевел взгляд на приближающийся торпедный катер.

Кто вы такие?

Капитан начал общение странно: он выждал, пока военные надзиратели произнесли скупые приветствия, доложили о целях своего рейда и потребовали документы на судно и маршрут. Повисла пауза, не понравившаяся бригадиру катера, и, как только тот оглянулся на помощника, капитан «Робокола» вступил в разговор. Все, что он произнес, было непонятно, много слов, но ничего по существу. Диме показалось, что капитан не помнит нового, только что выведенного на борту названия. Молодой моряк уже было открыл рот, чтобы помочь, но вовремя словил тяжелый взгляд мичмана.

– Вот наши бумаги, господа, – наконец опомнился капитан и повернулся к Диме. Военные с нетерпением зашелестели страницами и навигационными картами. Но Дима не мог видеть, что они делают, поскольку капитан с момента передачи бумаг непрерывно смотрел на него и явно ждал дополнительных действий.

– Что я могу для вас сделать? – промямлил растерянный Дима. Все трое военных подняли на него глаза в удивлении, но их главный, белокурый британец, выставил три пальца вверх, и они снова сгрудились вокруг документов.

– Кто вы такие? – спросил наконец белокурый, обращаясь к капитану, но тот перевел взгляд на Диму, и бедняге пришлось отвечать:

– Судно «Скайбриз», санитарно-гигиеническая обработка морских широт...

Все трое гостей опять подняли глаза на Диму, а потом переглянулись. На этом месте капитан уже не мог не вмешаться.

– Собираем и перерабатываем морской мусор, пластиковую тару, жестянки, сети.

– Вам, должно быть, известно, господа предприниматели, что под подобной вывеской частенько работают пираты и контрабандисты. Нам необходимо досмотреть ваше судно.

Не дожидаясь ответа, британец кивнул своим помощникам, и тот, что повыше, по рации позвал подмогу с катера.

– Позвольте, на каких основаниях, где ваш ордер? Мы в нейтральных водах, – преградил им путь Дима.

– Кто вы такой?

– Мы не везем ничего запрещенного, а моя фамилия в списке команды. Я – юрист...

– Вы немец? – перебил белокурый.

Диму возмутило поведение чужака. Хотя тот и не был грубым, но вел себя чересчур заносчиво, с какими-то имперскими амбициями.

Вмешался капитан:

– Непременно мы покажем вам судно, господа. Мой коллега прав в одном: неплохо бы увидеть ваш ордер...

– Вы в Малаккском проливе, нам не нужен ордер на инспекцию в таком опасном районе.

– Все-таки неплохо бы какой документ. Сейчас, говорят, пираты раздобыли такую форму, ну, как у вас, и под прикрытием инспекции захватывают суда. Это наше основное опасение, поэтому отмените приказ о подмоге. Прямо сейчас, господа...

Военные почувствовали сопротивление. Это им было знакомо, к подобным разборкам они привыкли, равно как и к тому, что даже самые заholустные суда обзаводятся сейчас адвокатами, которые затрудняют беспрепятственный доступ в трюмы, на нижние палубы и в машинные отсеки. Из-за этого взамен короткого интересного экскурса в брюхо посуды приходится заниматься нудным изучением документов, описывающих это брюхо. Вдобавок инспектора заметили камеру слежения, которая могла быть в режиме записи или даже спутниковой трансляции, поскольку на верхней палубе виделась спутниковая антенна.

– Зачем мусоросборщикам такая навигация? – кивнул головой в сторону антенны белокурой.

– Техническое обоснование после двадцатой страницы, – вставил свои пять центов Дима.

– Да, я все еще хочу увидеть ваш паспорт, господин... – Белокурый хотел узнать имя, но услышал, как в этот момент с их катера на воду спустилась шлюпка, и быстро покосился на длинного. Тот посетовал, что никто не отменил приказа, поэтому выдвинулась подмога.

– Отменяй, отменяй, пока они не нужны, – но, помедлив, британец добавил, – пусть на воде побудут, свистнем, если что.

Дима протянул британцу свое удостоверение.

– Значит, немец. Я так и понял. Что вы везете?

Капитан сделал шаг вперед.

– В трюмах мусор, могу показать. Вид ваших гвардейцев убедил меня, что вы не пираты. Добро пожаловать на борт.

Капитан дал распоряжение провести троих в грузовые отсеки и показать завод. Заводом назывался самый большой после машинного отсек корабля на нижней палубе. Там перерабатывался мусор, превращаясь в гранулы. Однако там же порой хранились ядовитые отходы, которые «Робокол» забирала у крупных клиентов – стран, где следили за окружающей средой или где работали международные инспекторы. Такой груз был запрещен в любых водах.

Разрешение яда

Перевозить шлак химического производства могли суда, имеющие контракт на их доставку к переработчику, но лишь единицы знали, что утилизация отходов разрешена только пяти заводам по всему миру. Крупнейший был на Аляске и принадлежал оборонному комплексу США. Везти туда означало раскрывать секрет своего производства. По составу отходов американцы распознавали всю технологическую цепочку, выясняли происхождение исходных компонентов и составляли картину, где шли закупки реагентов, кто продавец и кто покупатель. На Аляску никто везти не хотел.

Другой завод был в России, но в какой части, никто не знал. В судоходный сезон с июня по сентябрь заказы свозили к Кольскому полуострову, и оттуда дрянь на поезде уезжала в неизвестном направлении. Сведений о том, изучают ее русские или просто выливают в сибирские реки, не было. Туда тоже возили без особой охоты, только по острой нужде – далеко, долго и непонятно.

Еще был завод в Китае, и он долгое время считался надежным. Удобно расположен, на острове, недалеко от континентального Китая, также близко к Тайваню. Проблема заключалась в том, что Тайваню как раз не нравилось такое соседство. Вдобавок там курсировали американские крейсеры, и каждый из них считал своим долгом проверить поганое химическое судно и как следует потрепать нервы владельцам.

О двух других заводах было мало сведений – они были плавучими и имели много трений с Гринписом и Международной Ассоциацией Экологов. «Робокол» же делала работу по-своему, независимо от суверенных держав. По этой причине над заводом располагалась небольшая лаборатория, где работал всего один человек – Генрих, врач по совместительству. Он как раз показывал британцу и его компаньонам завод. Про лабораторию ему было велено молчать, а если спросят, включить дурака и наплести, что там испытываются реагенты для разложения полиэтилена. Генрих должен был также провентилировать инспекторам мозги насчет сотрудничества «Робокола» с Гринписом в вопросе очистки океанов. Пару раз и вправду экологическая организация оплачивала счета на горючее для дальних рейдов к Антарктиде. Но бесплатного ничего не бывает.

Сейчас Дима издали слушал, как Генрих рассказывает эту историю белокурому. Гринпис дал своего человека в экспедицию к Антарктиде, а тот вместо того, чтобы снимать ледяные пейзажи, стал придирается к техническому оснащению судна. Не нравились пассажиру ржавые балки, покоробленная корма, ободранная мачта, ему мерещилось, что вся ржавчина стекает в океан и из-за этого тоннами мрут бедные рыбы.

Стали подозревать, что он шлет всю эту пургу к себе в центр. Из объяснений Генри получалось, что от «зеленого» инспектора вреда вышло больше, чем пользы, и отныне на судне недолюбливают подобную профессию. Дима подумал, что британцу с его гордыней было приятно это узнать. Но Генри не парился.

Троица стала интересоваться машинным отделением, а туда не пускали никого, включая членов команды. Помогло провидение: солдаты с катера устали ждать и запросились или на либерийское судно, или обратно на свой катер. Визит скомкался, и, чтобы как-то выделиться, белокурый напоследок напустил подозрений. Он заглянул в лицо Димы и упомянул, что показывать надо паспорт, а также специальную лицензию, подтверждающую право работать в море.

Да отними ты у меня это право себе на здоровье, нашел чем пугать, белобрысый!

Дима выругался про себя, но внешне смолчал. Капитан тоже не сорил словами, а поскольку молчать можно по-разному, то он это делал с видом мелкого рыбака, которого застукали за незаконной ловлей, но взять с него, кроме двух рыбешек, решительно нечего.

Британец перед спуском в свою шлюпку чуть не обтерся о свежевыведенное название – «Скайбриз», что повергло Диму в панику, и он тихо ойкнул.

– Еще встретимся, господа мусорщики. Чтобы сократить время... чтобы сократить мое время, вы, – он указал на Диму, – готовьте паспорт, а потом пройдемся в машинный отсек, что-то там неладно...

Британец начал спускаться.

– Лейтенант Смит, был рад познакомиться, – безрадостно, но очень напыщенно сказала белая голова, перед тем как исчезнуть за кормой.

– Сынок, ты в штаны не наделал? – заулыбался в усы капитан, глядя на невезучего художника, но быстро оправился и скомандовал: – Марш записывать инцидент со своими комментариями. Дима, то, что ты делаешь, – жалкие отписки, нужно полноценное изложение.

Юрист открыл рот для возражений, но капитан отвернулся и зашагал прочь.

Первая странность

Вместо того, чтобы заняться дневником, Дима поплелся к Генри. Надо было, наконец, обсудить, что значит вся эта затея с записями. Чуть не с первого дня пребывания на «Антре» руководством было озвучено странное пожелание. Дескать, все члены команды должны делать записи на манер бортового журнала. На кой? Дима боялся, что по написанному капитан следит за настроением, а его настроение было побыстрее свалить с этой посуды. Куда скрыться и когда, он не знал, неделю они плавают в открытом море, только сегодня встретился корабль, да и тот военный.

Когда из Сингапура он попал на судно, казалось, это дня на два-три. Разобраться с бумагами, исправить документы, проверить лицензии и назад. В первый же день пришло сообщение от барона, что назад ему нельзя. В другом сообщении старик одной строчкой написал: «Придумай, как ты умер...» Не умел барон писать сообщения в телефоне, настроила тетя Хельга, выходит, и она многое узнала. Дело дрянное!

Капитан что-то знал; по меньшей мере, знал, что надо выдумать, как Дитер умер. Из-за этого усатый стал Дитера называть Димой:

– Твоего Дитера уже схоронили, а Дима родился. Все по правилам нашего корабля!

Юрист добрался до каюты Генри, тот как раз смотрел видео. Без вступлений, но все еще с дрожью в голосе Дима начал:

– Капитан не раз говорил про «правила судна», но никто мне не рассказал, что за дурацкие правила. Писульки делать в дневнике?

– Не в дневнике, мэн, а в личном бортовом журнале, – Генри ни на секунду не отрывался от своего фильма.

Он был неплохой малый, с точки зрения Димы. Единственный, кто искал, как и он, источники выпивки. Попав на корабль, Дитер-Дима понял, что у него все-таки развилась зависимость, а на «Робоколе» с алкоголем было строго, правильнее сказать, вообще никак. Не разрешалось и возбранялось. Наказание в виде мытья палубы вообще было самым невинным, но были и другие кары.

– Хочется выпить, вот сейчас очень нужно, брат...

Дима перенял это побратимство из старых фильмов про путешествия, где члены команды сближались и через время становились чуть не родными. Сам юрист близости не чувствовал, но копировать нравилось. Он продолжил:

– Я сдрейфил из-за этих военных, до сих пор поджилки трясутся, их главный чуть в мою мазню не вляпался, краска не высохла. Может, он заметил что?

– Не бери в голову, капитан пусть думает, у него башка большая...

Дитер повторил про выпивку, но Генрих молча помотал головой. Отрицательно помотал. Его волновало, что там на экране, а Дима думал, как этот доктор-лаборант может пялиться в экран, когда такое клочкотание в нервах, что от дрожи в коленях сотрясается палуба.

Наконец гость удостоился взгляда доктора.

– Лечиться надо, дорогой. Так тебе дорога в крематорий. Тебе, наверное, и тридцати нет, правильно? Пустяк случился, и не с тобой, понимаешь? С посудиною! Так ты в бутылку, а когда шторм будет, в тебя что, литрами заливать придется?!

– Хватит жить учить, дай выпить, спирт-то точно есть в аптечке.

Произнеся «spirit», Дима поставил не там ударение, и вместо алкогольного понятия прозвучало «спирит», или дух. Английский все еще медленно высвобождался из памяти, а на «Антре» рабочим был инглиш. Но эта ошибка произвела свое действие.

– Знаешь, что у корабля свой особенный дух? Что он просит записывать свои дела в дневник, так вот, это все связано с духом... – загадочно произнес Генри и снова вперился в экран.

Волки

Что поделаешь, если капитан так все видел. За обычными человеческими лицами он усматривал животных. Ему казалось, что когда-то давно люди ходили в облике этих животных. Несмотря на то, что звери переродились в людей, все так же в их телах обитала жадность, жестокость, страсть к грубым удовольствиям.

– Дима, – начал он без вступления, – ты ослаб. Морская болезнь?

Не дождавшись ответа, продолжил:

– Да, покачивается, идет шторм, на этой широте всегда так, скоро Японские острова. Слышал про эти места? Про акул...

Дима отрицательно помотал головой. Главный человек на корабле стал расхаживать по командной рубке, заложив руки за спину.

– Через день мы будем в их «доме». Если погода не помешает, у тебя появится шанс познакомиться с меньшими братьями...

Капитан продолжил, что для работы нужны акулы. Морские хищники описывают одинаковые концентрические окружности вокруг своих «домов», и на проложенных их предками маршрутах было съедено немало пиратов, конкистадоров и прочих бесшабашных смельчаков. Так происходило оттого, что линии одних жадюг совпадали с линиями других. Акула, натасканная на человеческое мясо, поела за жизнь двух-трех двуногих особей.

Пару столетий назад алчные мореплаватели наряжались куда лучше, носили перстни, украшали себя золотыми цепями и никогда не расставались с мешочком монет, даже когда спали или спускались на шлюпку порыбачить...

– Капитан, – прервал собеседник, – вы хотите дать мне урок истории, я что-то не понял?

Парню было плохо. Качка усилилась, и в животе что-то постоянно переворачивалось, крутилось и рвалось наружу. Была опасность испачкать ковер капитана из-за внезапного бунта желудка.

– Туземцы прозвали меня «Сострадательное Око», так что волей-неволей придется это стерпеть, – капитан признался, что с годами стало легче.

«Как много он о себе возомнил... Фон Либен и не догадывается. Напомнить не помещает, кто есть кто. Только случай, надо случай... Ох, как тошнит!» – мучительно думал Дима, ковыляя к клинкетной двери капитанской рубки. Впервые он обратил внимание на изображение, прикрепленное к этой скользящей двери.

На ламинированном листе чуть больше писчего формата был изображен то ли человек, то ли слон. Но если слон, то в штанах и с человеческими ногами. На голове этого чуда возвышалась затейливая шапка, а рук было несколько – точно больше, чем у человека. Рассмотреть лучше не удалось, юриста окликнул капитан:

– Дима, такой вопрос: ты веришь в Небеса?

Молодой человек в недоумении посмотрел на спросившего; казалось, он не расслышал. Око понял, что моряк в замешательстве.

– Там, наверно, как тебе кажется, есть там кто-нибудь? – не отступал капитан.

– Конечно, сэр. Там летчики, потом, космонавты – всем хорошо известно. Так что я верю, там кто-то живет, ну, или работает, а что?

– Ну, это мелко! Даже космонавты, не говоря уж о летчиках, – все это подчиненные и в небе блуждают по долгу службы, – плавно выговаривал начальник судна, продолжая начатую тему. – Ты полагаешь, вот эта стихия, она так просто на нас свалилась? Когда ты рисовал новое название, помнишь, была хорошая, нет – прекрасная погода. Прошло три-четыре часа, мы поплавали взад-вперед, проверяли, не села ли нам на хвост эта инспекция, и на тебе – ураган.

– Неужели ураган?

– Как пойдет... Может быть, и ураган. Так вот, вопрос: кто сей ураган, так сказать, вызвал?

– Природа, атмосфера, не знаю я, не помню, как это бывает, – Дима был настолько удивлен, что не замечал, как слатывает тошноту.

– Атмосфера? Я скажу по-другому: безразличные Небеса. Только что-то сегодня они позабыли свое равнодушие. Посмотрим... Ступай на палубу, у нас через четверть часа построение.

Театр абсурда

Дима слышал, но сам не сталкивался и после этого случая принял решение валить с корабля при первой возможности. Под косыми линиями дождя, в бушлатах с капюшонами к центральной палубе стекались моряки. Молча выстраивались в шеренгу и ждали. На небе темнело, хотя времени было не больше семи вечера. Стальные волны за бортом дерзко поднимали бока и швыряли на палубу струи пены. До полноценного шторма оставалось недолго.

Но моряки не бегали по палубам, не вращали рули и не притрагивались к канатам – все ждали капитана. Тот явился, как и обещал, подошел к своему старшему помощнику уточнить, в какой стороне сейчас солнце.

– На восемь градусов! – громко выкрикнул Хэндборо, – через минуту, на восемь пятнадцать...

Капитан, продолжая стоять на высоте своей рубки, сделал шаг к штативу с прожектором. То, что потом увидел Дима, надолго впечаталось в память.

Сгущающуюся сырую тьму вспорол яркий луч. Прожектор буквально резал небо световым копьём. Дима сперва ослеп, но, приноровившись, увидел и другое явление. Луч действительно рисовал овал солнца на тучах.

Сколько же надо энергии, чтобы вызвать такую мощь?..

Но на этом представление не заканчивалось. По всей видимости, капитан попал довольно точно, и этот неправдоподобно яркий луч стал сверлить толщу грозовых облаков, пока не встретился с... настоящим солнцем.

Затем на пару секунд на всех свалилась непонятно откуда возникшая тишина, словно вместо ветра и брызг на них посыпались хлопья ватного, неземного покоя, показывая, что на этом аккорде победа принадлежит «Робоколе». Но уже следом, когда на небе стала прорисовываться корона солнечных лучей, выходящих, как казалось, из расплавленного месива поверженных облаков, зашумело, нестерпимо завывало все вокруг.

– Защита, – прокричал капитан, – надеть защиту!

Все, кроме Димы, вытащили очки с темными линзами, а бедняга стоял лицом вверх настолько пораженный, что не заметил, как кто-то напялил ему на глаза черные линзы. Темное стекло мало что изменило: великолепная, извивающаяся корона солнечного сияния была без преувеличения живая. Ни разу до этого Дима не уделял солнцу внимания, но теперь...

Последовавшее за этим событие переступило представления молодого человека о возможном и позднее было причислено им к другому чуду: необъяснимому исчезновению кирхи в дни их безумных приключений с Анн в Германии.

Луч проделал отверстие, и в него на землю стало проникать что-то сюрреалистическое – поистине неземной свет. Он струился и растекался по низу тяжелых громовых облаков. Дима вспомнил выражение «манна небесная», ничего другого на ум не шло. Становилось понятно, что главное действие разворачивается не на корабле, а как раз там... в Небесах. Им, людям, несказанно подфартило быть свидетелями сражения тьмы и света в самом прямом смысле слова. Над головами моряков вновь раздался зычный голос первого помощника Хэндборо:

«Созерцаем, все созерцаем. Минута пошла!..»

Моряки стихли и замерли на своих местах. Дима бывал на проводах и встречах солнца в другие дни, но тогда все выглядело глупым ритуалом. Сейчас так не казалось. Неопытный моряк заметил, что волны по сторонам стали куда больше, но судно находится во власти неведомой силы и скачет по волнам куда меньше, чем полагается в таких случаях. Как если бы сверху и снизу корабль держали невидимые руки и не позволяли волнам раздавить это сокровище.

Минута прошла для всех по-разному. Один только Дима не следовал команде созерцать, а глазел по сторонам.

– Кончаем, все, все! По своим местам, – более спокойным, размякшим голосом произнес Хэндборо, – по местам, живо!

Не прошло минуты, как корабль, неизвестно почему и как, отпустило, и он, как бешеный, запрыгал по волнам. Диму вывернуло, потом еще раз, он с трудом добрался до своей каюты и заперся в гальюне, вцепившись в унитаз, насколько было сил. Ему казалось, это последний день жизни.

Они

На следующий день погода хворала, болел и юрист. Он бубнил себе под нос, ему снились чумовые сны, ангелы и черти по очереди овладевали его разумом. Генрих чувствовал свою вину и все время возвращался в каюту бедняги, слушал его причитания и начал о чем-то догадываться.

– Говори что-нибудь другое, – вещал, глядя сверху вниз, Генри, – вспомни, что в последний раз смотрел по телеку...

Дима наговаривал что-то по-немецки, отвечал, когда у него что-то спрашивали, и понял, что, как школьник, должен рассказывать подробно. Он держал Генри за руку и цедил сквозь зубы признание:

– Что я ей сделал? Я помог, слышишь, помог... А они стоят там, вдоль улицы, все с чашами золотыми, все в своих одеждах ярких, а люди несут еду, кладут в чаши. Это в Азии где-то, не знаю... Правильно, что кладут. Те берут и кланяются, кланяются и молятся вслух. По ЦДФ показывали...

Пусть на немецком, но Генри понимал, только не признавался Диме ни до, ни после, что знает его язык. Доктор с сожалением представлял, что скоро этому матросику придется обнимать акул. Жалко беднягу, чересчур чувствительный. Но судьбу не выбирают, а над Димой еще властвовала справедливость-судьба.

«„Робокол“ решила взяться за парня – не буду влезать в дела космоса», – рассуждал Генри.

Эта же мысль вернулась к нему днем позже, когда Диму «наряжали» в акваланг. Накануне, в тот ненастный день, когда аквалангист еще болел и бредил, кок стал бросать за борт подпорченную говядину, предварительно привязав к ломтям по паре пустых пластиковых бутылок с запаянным верхом. На следующее утро судно вернулось к «прикормленному» месту и снова угостило морских хищниц. Матросы насчитали пять смертоносных плавников.

– Они? – спросил капитан у Сэмуила, кивая в сторону плавников. Тот утвердительно кивнул головой. Ученый снова был в белом, чем не мог не наводить благоговейного страха на вечно чумазых моряков. Для верности белый джентльмен достал из футляра свой прибор и к всеобщему замешательству стал махать им, как священник в храме.

– Да, те самые, которых я позавчера вычислил. У вас ныряльщик готов? – спросил Сэмуил, словно не замечая несчастного парня.

– Даже вот и не знаю, – капитан глубоко вздохнул. – Этот лис может и выкрутиться. Его собратья – изворотливые типы...

– Вы со своей антидарвиновской теорией? Любопытно, кем я, в таком случае, был, мне вы не говорили...

Капитану было не занимать смекалки. Он прислонился к ограждению и устремил взгляд к горизонту.

– У вас, сэр, есть антенна, что вам мои незрелые антидарвиновские умозаключения. Если уж акул можно настолько точно просчитать за полтора суток и до полградуса, неужто такую мелочь не узнать, тем более про самого себя. Уж будьте любезны, если наладите контакт с этим, – капитан почтительно указал на антенну Сэмуила, – дознавателем, спросите и про меня. Насчет себя всегда не уверен: то ли китом я был, то ли муравьем.

– Китом?! – фальшиво засмеялся ученый. – Уж пожалуй. Только кит не боится акул. Признайтесь, кэп, вы ведь тоже так... как этот немец, в воду к ним ныряли.

Вместо ответа Сострадательное Око развернулось всем корпусом к белому джентльмену и развел руки в стороны, показывая, – дескать, проверяй, вся информация в твоих руках. Сэмуил только усмехнулся и мотнул головой вбок.

– Минута до погружения! – раздался голос первого помощника.

На корме уже соорудили клетку, куда должен был залезть обреченный ныряльщик. Бедняга щупал прутья, и они казались ему жидкими, пружинящими и ничтожными в сравнении с зубами хищников. На обтянутого черной резиной немца нельзя было смотреть без жалости: он и вблизи, и с расстояния выглядел покойником.

– Сейчас-сейчас, ну, что же ты, – недоумевал капитан, – ага, вот, пошло...

Дима наконец остервенел и решил бросить последнюю карту. Что было сил он заорал:

– Тут все свидетели! Вы думаете, они встанут за вас, заявят, будто я утонул, сам полез в пасть монстров? Шиш вам!

Дима стал Дитером и перешел на немецкий. Многие матросы стали украдкой посмеиваться.

– У кого-нибудь выпалит совесть, и они расскажут про этот садизм! Что ты о себе возмнил? Высший класс, а я – пушечное мясо, да? Или тут все безгрешны – никогда не крали, никого не трогали? Скажите еще, не прелюбодействовали? Агнцы вы, тры-ты-ты... – далее шла нецензурная брань, сопровождавшаяся попытками высвободиться из резиновых пут и канатов.

Вниз поступил приказ от капитана пока не подходить к растревоженному, но когда буйство пройдет, то проинструктировать, как надевать радиопояс. Сострадательное Око поежился, хорошо представляя себя в шкуре Димы, хорошо настолько, что вспотели натруженные капитанские ладони, а дыхание участилось. На мгновение Око почувствовал себя загнанным зверем, из последних сил рвущимся из неволи. Вот надежда угасает, близится гибель, и у брэнного существа больше нет ничего настоящего, к чему можно на этом свете прильнуть. Капитан вздрогнул и невольно вымолвил:

– Мои годы стали спешить, торопиться к назначенному концу...

– Вы что-то сказали? – переспросил хорошо все слышавший Сэмуил.

Око махнул рукой, и лишь затем отступили прихлынувшие было жалость и отождествление с пареньком. С годами он стал глубже чувствовать людей, словно проникал под кожу, через плоть в самую что ни на есть душу. Неизъяснимое материнское присутствие, равномерно растворенное в земном космосе, или струи с Небес, стремящиеся переиначить, перекроить его морскую природу, сделать из человека смертного модель невиданную, неземную. Так ли это? Он не знал.

Капитан смотрел на Хэндборо, а тот не спускал глаз с капитана. Наконец кэп махнул головой, и первый помощник подбежал к растрепанному немцу. С капитанского мостика казалось, что первый помощник, коренастый, невысокий мужчина, пытается дать взятку еще молодому, но бесстыдно голому юнцу и речь идет о покупке жизни последнего. Резиновый неумеха, как мог, брыкался, но первый помощник был явно сильнее – запихивал что-то в руку неумехи-водолаза, поучал.

– Дима, – выкрикнул капитан, и все обернулись на его голос, – у тебя дети есть?

Молодой человек перестал драться, вопрос застал его врасплох.

– Что, будешь выплачивать компенсацию?! Денег не хватит! – прокричал тот в ответ и отвернулся к морю, потом резко подался корпусом назад от борта и выкрикнул:

– Гюнтер тебя казнит, понял! Я ему отправил письмо, ха...

Последние слова долетели до всех, поскольку ветер дул от кормы. Тогда капитан подозревал Генри и велел ему пойти к укротителю акул, поскольку тот, дескать, хочет ему сообщить нечто важное.

– Что он мне такое может сказать? – загозил доктор. – Зачем к нему идти, он, что, звал меня? Я не слышал...

Капитан так грозно взглянул на Генри, что желание пререкаться отпало. Через минуту доктор осторожно подошел к Диме со спины. Облаченный в водолазный костюм человек больше не хотел никого видеть и в отчаянии смотрел на вынырывающие плавники акул.

– Эта... ты чего звал? – когда Генри произнес это, Хэндборо стал удаляться.

Дима не ответил. Его вдруг поглотило совершенно не подходящее к моменту воспоминание. Когда они повздорили с Анн, он возвращался ночью на своей машине. Ссора произошла по телефону, а ему предстояло ехать еще часа два, клопоча и проклиная подругу. Бензин кончился, и он остановился залить топлива, но на нервах перепутал «пистолеты» заправки и вместо бензина запузырил себе полный бак дизеля. Заметил оплошность он случайно, когда проследил взглядом, к какой этикетке ведет злополучная трубка. Обыкновенно на заправочной станции есть ассистент, который все делает без хозяина машины, но из-за растрепанных нервов Дитер не стал его дожидаться. И влетел!

Молодого человека охватила досада. Были сразу обнаружены виновные: нерасторопный ассистент и девушка-кассир, которая не хотела вникать в ситуацию и требовала оплаты полного бака бесполезного для машины дизеля. О, как он тогда вышел из себя! Чем дальше, тем больше его терзало отчаяние – из-за того, что Анн узнает и обязательно поднимет на смех, как делала всегда. Добивал тот факт, что Дитер уже никуда не едет, а дожидается машины-эвакуатора, затем предстоит починка, а это время, опоздания, нервы.

Подробности этой давнишней сцены растерялись, но Дит сохранил в памяти беспокойство, перемешанное с досадой и тонким, тогда мало волновавшим его душу, но неприятным чувством, что он незаслуженно обидел тех двоих: паренька-студента и женщину-кассира со стоянки. В те роковые дни он слишком часто психовал. И, что удивительно...

Сейчас, стоя на пороге опасности, он тревожился куда меньше. Холодом блестили волны, беззвучно возникали черные мокрые плавники и оставляли бороздки вспененной воды. Но на акул злобы не было. Диму-Дитера стало одолевать раскаяние, которое нередко находит на преступников перед казнью. Злодеи могут ненавидеть своего палача, приближающийся рок, но им хорошо понятно, что они заслужили кару и все поделом. Даже их собственная чаша на весах правосудия, которая годами триумфально мерила правду в сторону Каина, в предсмертный час предательски тянет в противоположном направлении – виновен! Но только редкий из преступников сможет сознаться миру в своей вине. Вслух – это совсем по-другому, вслух злодеи желают до конца носить крылья ангелов.

– Знаешь, Генри, – произнес Дима, – сейчас как будто и не боюсь, а раньше, еще полгода как... Морской воздух, что ли, поправил нервы? Да я бы тут бегал и всех давил, а сейчас не так... Чего, помочь пришел? – шепотом добавил Дима, и в глазах его блеснула надежда.

Казус

– Последний раз спрашиваю, есть у тебя дети? – уже в рупор прокричал капитан.

– Оставь меня, никого у меня нет! Сейчас не время дешевого фарса... Что тебе с того, есть или нет, убийца! Спроси лучше мое последнее желание, такой порядок везде!

Тут Дима что-то вспомнил и полез под резиновые штаны, предварительно отвернувшись от ротозеев. В этот момент закричала чайка, пронзительно и с нетерпением, словно давно ждала обеда из раскусанного водолаза, который только оттягивает пир. Ее крик отвлек внимание команды, а Дитер быстренько извлек две маленькие пластиковые карточки, связанные одна с другой. Он быстро сунул их в руку ничего не соображавшему Генри.

– Отправь в Ганновер или передай, что там есть, ребеночку, его растит моя тетка. Хельгой зовут... тетку. Ребенка, э-э-э... кажется, Гюнтер.

– Твой ребенок? – заглянул в лицо Димы доктор.

Ответа он не получил, поскольку капитан опять заорал на весь эфир.

– Это не казнь! Здесь неуместны последние желания, что за странные мысли? Нам нужен доброволец для пеленгации акул. Поскольку добровольцев нет, выбран провинившийся. Надеюсь, ты знаешь за собой вину?

– Одна, одна вина, и то не моя – я разоблачил террор на этом судне! Я знаю, публичные казни на кораблях – это для усмирения команды, чтобы держать скот в страхе. Старый, подлый прием... Будьте вы прокляты!

С этими словами Дитер шагнул в клетку, у которой полностью отсутствовала одна решетка борта, делая человека открытым и уязвимым. Вверху располагался штурвальный руль, при помощи которого можно было вращать клетку под водой, чтобы укрываться от акул. Но это для тех, кто хоть раз такое делал.

Дима представить не мог, как будет увертываться и вдобавок ко всему цеплять пояс на тело хищника.

– Когда будешь под водой, – повторно инструктировал с мостика капитан, – твоя задача – прицельно накинуть пояс, а он замкнется сам. Но делать это надо за передним спинным плавником, даже если сползет, пояс стянется у заднего плавника. Все понял? Только не потопи мне маяк, а то полезешь искать на самое дно!

Клетку подняли на кране и спустили за борт. Галдеж на судне стих, и даже чайка перестала волноваться, а лишь с любопытством обозревала грешные дела людские. Под водой Дима стал бешено крутить руль над головой, его задачей было защититься от нападения. Но морские хищники еще не поняли, что черного беснующегося человека можно употреблять в пищу, хотя своим поведением Дима все больше их в этом убеждал.

У незадачливого ныряльщика был шанс выйти из этой передраги живым, если на корабле заметят, что маячок на теле акулы заработал. Тактику надо было менять, от крутящейся клетки акулы шарахались, но долго так продолжать было трудно. Дима уже чувствовал, что сил осталось немного и акул стоит подпустить ближе. Их было две – самые отважные. Сначала они подплывали и делали быстрый обратный маневр, но вот одна изогнулась, готовясь к атаке. В это время боковым зрением Дима поймал гораздо более крупную рыбину, а приближаясь, она стала казаться гигантской. Хищница двигалась только под водой, не всплывая к поверхности. Инстинктивно Дима дернул клетку в сторону от монстра, одновременно открывшись остальным членам подводной братвы. Начались атаки, и Дима принялся лупить поясом по морде каждую подплывающую нахалку.

Он проследил, какие изгибы совершают акулы, когда возвращаются несолоно хлебавши и разворачиваются для следующей атаки, оттолкнулся от дна клетки и обхватил одну хищницу пониже спинного плавника. Но повстречать такую силу он не ожидал!

В секунду Дима вылетел из клетки, заключив в объятия непокорное тело агрессора. Сразу смешались верх и низ – все закрутилось в бешеном калейдоскопе. Закладывало уши, в голове звенело, и глаза отказывались видеть. Но юрист приклеился намертво. Постепенно он перестал понимать, где клетка, где корабль и где он сам.

Внизу

Тем временем капитан настраивал себя не сильно буйствовать, если новичок провалит миссию. Он знал, что Дима не может быть съеденным в самый первый, по-настоящему серьезный выход. Небесное начало в капитане сохраняло эту уверенность, однако земное продолжало волноваться, ум бичевал и толкал на раскаянье.

«...а если покусает? Съесть не съедят, а покалечат этого лиса. Он, должно быть, крутит руками как винтом, дергается, испускает страх – сквернее не придумать. Окажись я акулой, даже глазом бы не моргнул – форсаж сбоку, за ребра зубами и на глубину, чтобы порвать давление, три минуты вверх-вниз, и завтрак готов – только хватай кусок побольше, чтобы другая акула не подоспела, а то налетят сразу, со всех сторон...»

Мысль заняла у капитана не более пяти секунд, и только она кончилась, как волна этой идеи достигла акульей стаи.

Поделился

Они устремились вслед за уходящей вглубь соперницей. На ее спине, вихляя из стороны в сторону, болтался несчастный двуногий. Беднягу мутило от перепадов давления, и до потери сознания оставались мгновения. Но, возможно, от того, что разрушительная мысль капитана прекратилась, акула метнулась вверх, вознамерившись скользнуть рядом с поверхностью воды и скинуть с себя свой завтрак, чтобы пасть, наконец, могла вкусить плоти.

Перед Димой в последний раз блеснул свет дня, недалеко он увидел темно-синий борт «Робокола», и в сердце загорелась радость. Но водолаз в тяжелом снаряжении стал снова уходить под воду, цвет борта поменялся на изумрудный, стал различим неподвижный винт корабля и под ним – сине-зеленая вода. Дима попытался взмахнуть руками – неудачно, погружение продолжалось. И тут, прямо под кораблем, ему померещилось гигантское тело акулы. Может, та самая, которую он увидел, когда только погрузился в воду. Но таких исполинских акул не бывает; наверное, трудно встретить даже кита подобных размеров.

Состояние несчастного было настолько скверным, что темное пятно в глазах то увеличивалось, то уменьшалось, а в ушах стали слышны шумы, похожие на голоса. Одни назойливо повторяли: «Хватай, хватай!», другие создавали какой-то противный, низкочастотный шум. Снова повторилось: «Хватай», – и он схватил.

Спасительный трос с мерцающей лампочкой на конце вытащил беднягу на поверхность, когда тот почти потерял сознание. Однако беспмятство длилось недолго; он повалился на деревянном полу, постонал, с трудом открыл глаза и встретился с миром людей.

– Облажался, брат, – произнес какой-то добрый моряк.

Дима понимал, что, по понятиям, его должны класть на носилки, вкалывать физраствор, на худой конец, дать понюхать нашатырь. Никто и не думал. Моряки стопились вокруг и смотрели, нет ли укусов, а когда поняли, что нет, интерес к мокрой, жалкой фигуре стал угасать. Подошел Хэндборо и добил своей фразой:

– Ты куда дел пояс? Утопил?! Пеленг застыл на одном месте; метался, метался и замер. Куда дел?

К счастью или несчастью, Дима говорить не мог, и самое большее, что ему удалось, это сделать виноватые глаза. У него не осталось выбора, как отдаться силе, которая настойчиво влекла его в бессознательное. Грянул обморок, и лишь после этого знакового события ему дали полежать на носилках и что-то вкололи в вену.

Ночью он бредил, и в интересном месте бессвязного, на первый взгляд, рассказа позвали капитана, а тот слушал внимательно, будто этот бред и был целью опасного подводного погружения. Сострадательное Око просил всех выйти, включая доктора Генриха. Поэтому содержание бессвязной речи стало известно ему одному.

Белый китель с погонами висел на крючке у входа, а крепкий бородатый мужчина, еще час назад носивший звание капитана, превратился одновременно в доктора и медсестру. Он сам менял компресс, сам пополнял раствор в капельнице, смачивал Димины сухие губы и следил за кардиомонитором, регистрировавшим удары сердца неудачливого водолаза. Когда Сэмуил просунул ему в дверь записку, что пояс достали и что Хэндборо удалось закольцевать одну хищницу, Сострадательное Око пробежал глазами строчки, но никак не отреагировал, а только тихо пробормотал: «Держись, держись за жизнь зубами! Если удержишься, мы тебя дальше оторвем».

Генри был готов поклясться, что кэп даже менял утку, но этого все равно никто не видел. Лишь под утро следующего дня новоиспеченный доктор покинул палату больного. Капитан растолкал Генри, который, засыпая накануне, рассуждал: «Капитан может мою работу делать,

а я его – не могу, несправедливо...» Спросонья все еще переживающий по поводу неравенства Генри не понял, что ему сказали:

– Черный ящик раскрыт, занимайся теперь сам... Сегодня вечером пусть придет ко мне в рубку. Накорми только как следует, дохлый он какой-то. Кажется, не такой поступал...

Имото

Владелец медиагруппы «Исхацу Корп.» Тасико Имото с нетерпением ждал «Робокол». Его остров находился в Тихом океане, в ста пятидесяти милях от японского острова Саппоро. Он считал его лучшим приобретением в жизни. Правительство запрещало возведение островов частными лицами, но для корпораций был зеленый свет.

– Коай, – громко говорил он в трубку, – рад слышать, жду не дождусь вашего прибытия. У меня есть для тебя хорошие новости, хорошие, капитан! У тебя, полагаю, тоже для меня известия?

Услышав ответ, Тасико изобразил на лице одобрение. Прибавка к его заказу произошла ночью, когда Коай не имел права отвлекаться на «Дар Варуны» и сражался за молодую жизнь Димы.

В нейтральных водах к «Робоколе» подошла сдвоенная баржа под флагом Новой Гвинеи, и на борт были отгружены пять полных контейнеров жестко прессованного пластика, взят на буксир прицепной шлюп со ста пятьюдесятью тоннами смеси жестики и полиэтилена. Также к ним попросился новый матрос, бразилец по национальности.

На гвинейца передали золото и откатали бочки с химическими отходами. Племена используют яд как оружие в междоусобных войнах. Нехитрым распылением отравляются площади земледельческих угодий соперников, но преподносят это как проклятие духов. Химикаты применяются и в других целях в немалой степени и из-за доброкачественных, полностью герметичных бочек – непревзойденный материал для строительства военных речных плотов.

Стрела попадает в бочку, когда плот движется по территориальным водам неприятеля, и заражение реки достигает такой силы, что мертвые крокодилы плавают вверх брюхом, создавая ужасные плотины. Поэтому к правилам местных войн добавилось еще одно – не стрелять по плотам.

Обретя новые морские лодки, туземцы научились выходить далеко в открытые воды и днями промышлять в изломе пластикового мусора, траулерных сетей и жестинок. Для тружеников мирового океана не секрет, что семьдесят пять процентов полезного мусора, пройдя недолгий «земной» цикл, в конце концов всплывает в соленых водах.

Все это волновало экологов и журналистов – людей, с которыми ни капитан Сострадательное Око, ни бизнесмен Тасико Имото не хотели иметь близкого контакта. Партнеры решили послать встречный буксир и отгрузить на него контейнеры с «Робокола». Капитан не хотел ступать на землю Японии, и на то были свои причины. Команда же могла спокойно перейти на буксир и к вечеру прибыть в порт Миязаки для суточного отдыха.

Страна восхода

Разговор состоялся в недостроенном здании на острове Исхацу.

– Итак, Коай, перевод средств снова в Ганновер? Не удобнее ли вам завести счет в Японии, у нас и с налогами понятнее, и вообще, так скажем, ближе?

Коай ответил, что там владелец судна и пускай он и тянет этот груз. Теперь владелец послал своего человека – капитан думал, что для проверки, но понял, что парень утаивает какую-то проблему и не похоже, чтобы он что-то проверял.

– А-а-а, – протянул с пониманием японец, – господин Коай хочет поговорить об этом. Что ж, я весь внимание...

Тасико учтиво наклонил голову и громче обычного выдохнул через ноздри. Капитан сделал вид, что не заметил. На деле это означало, что японец имел свое важное дело, но по этикету должен сперва выслушать о нуждах партнера. Предложение японца было весьма значительным, об этом говорил и радостный приветственный тон, и наблюдательные глаза, ищущие любую возможность послужить гостю или произвести хорошее впечатление.

– Нет-нет, Тасико, не люблю начинать с проблем. Давайте о чем-нибудь другом потолкуем. У вас есть следующий заказ?

Собеседник заметно повеселел и стал двигать нижней губой, что выдавало нетерпение выложить суть своего предприятия.

– Мы строим... ах, не так, – мы договорились строить остров на рифе!

– Что, на Большом Барьерном? – поднял брови Коай.

Японец кивнул головой. Капитан смекнул, что здесь рука правительства и Тасико пошел на сближение с людьми правящей коалиции из Токио. Добиться такого разрешения у Австралии было бы невозможно, если бы не жесткое лоббирование изнутри австралийского парламента, а также длинные-предлинные деньги из Токио, чтобы снабдить «топливом» это трудное решение. Коай представил схему: в обмен за допуск к новым землям люди власти поставили условие возводить все за свои деньги.

– Вы сами будете строить? Я имею в виду – «Исхацу Корп.»?

Японец вытянул губы трубочкой и вдохнул через зубы, как бы защищая себя, дабы не сболтнуть лишнего.

– Господин Коай... капитан, давайте я закончу мысль, я так долго ждал разговора с вами. Вы небесные дела решаете, а я свои, земные, – все по-честному.

– Простите, простите мое любопытство, так... неожиданно. Я вас слушаю, господин Имото.

Тасико поведал, что будет «совсем небольшой, пробный островок» на девять с половиной тысяч квадратных километров. Чисто научные цели – геодезическая лаборатория и обсерватория с Центром координации спутников. Капитан подумал: «Или Небеса готовят себе союзников, а иначе почему я все это узнаю? Этой борьбе, воистину, нет конца...»

– Капитан, мы хотим зеленый остров, вы понимаете? Зеленый: там будет трава, должны вырасти деревья. Австралийцам должно понравиться, даже если они копнут на три метра вглубь, а мы не должны ударить в грязь лицом. Нужна почва, грунт! Понимаете?

– Тасико, это куда тяжелее, чем достать мусор, – возразил Сострадательное Око.

– Именно! Именно поэтому я прошу вас, Коай. Небесная «Робокол» мощнее любого нашего траулера. Уверен, Хонда отдала бы немало, чтобы узнать, какую силовую установку вы туда внедрили, – Тасико осекся и скривил щеку. – Извините, отвлекся... вы же размышляете о моем бизнесе, а я порой о вашем. Куда деться, если я знаком с судоходным делом, никуда от этого не уйти. Так как, капитан?

В это время башенный кран за окнами офиса Тасико поднял в воздух стеклянные панели, и отраженный солнечный луч широкой полосой врезался в заднюю стену и побежал справа налево, пока не скользнул по физиономии Тасико. Тот зажмурился. Луч замер, поэтому японец, все еще в луче света, встал с кресла и, немного нагнув корпус вперед, короткими шажками направился опускать жалюзи. Но капитан успел увидеть все, что надо, и понял, что согласился. Но не говорить сразу, такое поведение в Японии сочли бы слишком скоропалительным. Даже через час-другой и то рано.

– Мне нужно время...

Тасико и не ожидал другого ответа, но для верности переспросил, успеет ли капитан ответить до отплытия.

Коай кивнул и встал с кресла. Тасико помнил, что у гостя тоже просьба, но оба молчали. О, этот этикет! Капитана спасало только его звание – Сострадательное Око, которым он дорожил и почитал за чин.

Наконец Коай сказал, что завтра этот человек попытается сбежать.

Тасико облегченно улыбнулся. Можно было побеседовать об этом позже.

Карты с деньгами

Придя в себя после свидания с акулами, Дима стал мечтать: «Сперва до Токио на чем-нибудь, потом дерну в Таиланд на рыболовном... Только бы отыскать этот дурацкий паспорт моряка, белобородый куда-то спрятал... Да на дачу к Гюнтеру, там в округе много отвязных экс-европейцев – ищущих истину или стремящихся от нее уйти. Ха-ха, лузеры! Я такой же лузер – признанный факт! Пожалуй, на даче буду отсвечивать. На годик сяду на дно, монахом сделаюсь – ом, будда, ом, будда... Старика начну доить по-тихому, управляющего его к чертовой бабушке, сам займусь делами, дистанционно так, из монастыря: интернет там, сотовая связь... тьфу ты, не лучше, чем в тюрьме!»

Новая идея нетерпеливо разрасталась: «...Как, интересно, с выпивкой в Таиланде? Везде одинаково, просто монахам нельзя... Это плохо, у них там и с женщинами ограничения, да-а-а! Но год продержусь, там, по ходу, тема должна выветриться. Только бы газеты успокоились...

Что это Генри мои кредитки не несет, я ему отдал на случай смерти, а он? Человек такой этот Генри – что ему мои проблемы, умер, жив... Деньги прикарманит, и знай себе... алкоголик несчастный. Надо побыстрее его отыскать».

Неумехе-ныряльщику вспомнилось погружение:

«...Не может быть, чтобы такая рыбина... у, черт – голова болит, когда думаю... К бесу, таких рыб не бывает, кит, наверное, еще с таким щупом или хоботом... нет, таких не бывает, надо Хэндборо спросить... ну его. Не скажет, сколько не спрашивай. Генри скажет... Вот бы его найти!»

Быстрее не получалось, так как был слаб и ходил шатаясь. Но из суеты за иллюминатором неудачливый ныряльщик заключил, что команда готовится к высадке. Скоро за бортом послышался звук другого судна, и Дима поплелся смотреть, что приплыло. На поблескивающих от солнца волнах качалась грузовая баржа с японским флагом. Глаз радовал красно-белый раскрас судна, его дутые бока, аккуратные тросы. Сразу становилась заметной разница между румяным японцем и архаичным «Робоколом». Не то чтобы Диме не нравился их корабль, но был он каким-то уж совсем несовременным, несмотря на хорошую аппаратуру и оснащение. К примеру, у них в декоре не было пластика, хромированных вставок, шкильдииков. Даже надпись на борту – и та была самопальной, в страхе и спешке выведенной Димой бог весть какой краской.

Матросы цепляли крюки, кричали через борт на изворотливых азиатов, и те принимались снова еще быстрее. Судя по хорошему настроению, по тому, что эта сцена ему нравится, Дима заключил, что выздоравливает, и возникла надежда, что предприятие его осуществится, вот только бы найти Генри.

Пройдоха-доктор оказался в навигационной за компьютером. Дима увидел торчащую из-за монитора плешивую голову.

– Эй, приятель, что не приходишь меня навестить? Я самый что ни на есть больной, а ты пренебрегаешь. Нехорошо!

Генри высунулся из-за монитора, заулыбался, и его брови поползли вверх.

– Как раз собирался к тебе... Думал, чачу занесу, для поднятия духа, вот, со мной, – Генри поднял с пола бумажный пакет и стал в нем ковыряться.

– Да, – встрепенулся он, – тебе же надо отдать карточки... Подожди, я за ними схожу. Ну, ты и мину тогда соорил, будто в самом деле собирался к акулам на съедение. Я таких лиц не видел: серьезное, отрешенное – я, дескать, вам покажу, как погибать надо, вы тут без меня и умирать-то не умеете...

Доктор суетился.

– Посмотрел бы я на тебя, – огрызнулся Дима, – небось, кинулся бы на колени: «Простите, Отцы, защитите, Небеса»...

Генри пропустил фразу мимо ушей и так же быстро, как до этого, задал вопрос:

– Что за ребенок, кому ты хотел свои сбережения отдать, твой? Я не понял...

– Да хоть и мой... Что, у меня ребенка не может быть?

Вместо ответа Генри только пожал плечами, пошел к выходу и по пути выдернул из бумажного кулька пузырек из-под пилюль, сказав:

– В пропорции четыре к одному, не меньше, а то сожжешь себе все. Оставайся здесь, твои карточки сейчас принесу... Да, и вот что, наш капитан – умничка, ухаживал за тобой, как за младенцем, меня туда можно было не звать. Такие вот, брат, у нас люди...

Генри вышел, Дима оказался в навигационной один, и тут у него вспыхнули подозрения.

«Что им всем до моего ребенка? Белобородый спрашивал из этикета, а этот зачем? Только вспомнить, какую капитан разыгрывал сцену, прямо лопнуть от важности. И что это я про Небеса вспомнил? Да-а, капитан тогда спрашивал – верю в них или не верю. Чудной он дядя!.. Верю или не верю? Ну, наверное, верю, и будет все зависеть, если побег удастся, – тогда Небеса, наверное, есть. Успокою маловерного капитана... по почте напишу: Тихий океан, „Робокол“, передать Сострадательному Оку... бред какой, просто ужас!»

Цена

Мог ли знать Дима, что в этот час два серьезных человека обсуждают как раз этот бред, причем в связи с его личностью? Капитану пришлось раскрыть Тасико всю эзотерическую часть своей просьбы. Тасико выслушивал похожие изложения не в первый раз, но время не изменило степени его удивления. Японцу было понятно, когда предлагаются существенные, весьма и весьма существенные деньги за засыпку несчастных десяти квадратов бесконечного океана на рифах, а также и то, что этот труд может быть смыт первым же цунами. Но про откуп людей у богов – этого он понять не мог.

Наблюдая за Коаем, внимательный собеседник стал догадываться, что, возможно, эти мифы есть вводная часть к чему-то большему. Общаясь с русскими, Тасико наблюдал нечто подобное: лишнюю логику надежду на случай, причем на случай, который непременно повернется к ним счастливым боком, будто есть некий русский бог, гоняющийся за всеми этими моряками по бескрайним водам океанов и ищущий случая проявить сострадание. В капитане, несомненно, было что-то славянское, хотя по отшлифованному ветрами лицу сказать, откуда он, не представлялось возможным.

Из объяснений Коая выходило, что будущего беглеца необходимо... изолировать от солнца, причем не в прямом, а в переносном смысле. Дескать, люди, в числе которых и Тасико, сопряжены с солнцем, и через эту связь на них поступает разная по качеству судьба. Если солнце видит, что человек наломал дров, то рано или поздно придет воздаяние, придет от солнца. Человек без конца совершает проступки, а солнцу не остается ничего другого, как присылать соответствующую судьбу. Чтобы так не происходило с беглым немцем, капитан устроил «кровопускание» – событие с акулами, которое для Тасико он назвал экспериментом на страх. Меры это временные, а человек, посланный от хозяина судна, тащит за собой тяжелую судьбу, что видно невооруженным глазом.

– В самурайских трактатах есть об этом! – вставил обрадовавшийся Тасико. – Воину необходимо переломить рок, иначе никогда не закалить в себе бойца духа...

Капитан одобрительно покивал и продолжил:

– Человек должен утончиться. Сейчас Дима простое животное, он не может разглядеть даже корабль, не чувствует океана, традиции судна для него непонятные ритуалы...

– Так избавьтесь от него, пусть себе сбежит в Японию, его оттуда быстро... – не выдержал Тасико.

Коай шелкнул языком и мотнул головой вбок.

– К нам вчера доставили бразильца... Понимаете, так просто на «Робокол» не попадают. Все должно идти естественно. Если кораблю он не нужен, то и мне не нужен, пусть катится ко всем бесам. Пока я вижу, что человека надо заставить голодать по солнцу.

– Он не умрет? Поймите, у нас здесь даже кладбища нет, мы все... все такое в Миязаки должны отправлять.

– Не должен, в нем сильное животное, лис. Не должен, Тасико, – успокоил Коай и добавил: – Если что, я позабочусь, потому как будем мы здесь неподалеку плавать.

– Еще одно, Коай: помимо контроля на территории, ваш проект с солнцем, ну, не знаю, как – механизм мне непонятен... иначе говоря, от меня не требуется вмешиваться в эту эзотерику?

– О, нет-нет! Тасико, все это без вас. Выделите ему домик, ну, так, чтобы не на виду он тут шатался. Забор бы неплохо.

– Да-да, о да – такое у нас уже построено.

– Даже доктора не надо, все как на собаке заживет. Еды какой-нибудь туда принесите, а так все.

– Капитан, все сделаем, и... до вечера жду вашего ответа про почву. Нам надо много почвы, капитан!

Компаньоны пожали друг другу руки и расстались. Как Дима представлял себе маршрут бегства, так и капитан видел наиболее вероятный сценарий приключений беглеца и за него не волновался. Возвращаясь от Тасико на корабль, мыслями Сострадательное Око обратился к Раулю – бразильцу, пожелавшему остаться на «Робоколе». Ночью, убедившись, что Дима спит, капитан пошел разговаривать с Раулем, и что за удивительную историю узнал!

Рауль

У него была подруга. Давно. С ней он жил в Сан-Паулу больше пяти лет, но она все никак не решалась согласиться на брак. Элизия, так ее звали, ставила Раулю трудную задачу: он должен был стать чуть более юморным; его теперешний взгляд на жизнь казался ей слишком радикальным.

Элизия же, напротив, была чересчур легкомысленной, и Рауль желал воспитать в ней здравый смысл и умение ценить заработанное, не пускаться в траты и распоряжаться временем с пользой. Однако молодой человек стал замечать, что проигрывает, что бесшабашный стиль жизни подруги дарит ей больше счастья, чем его выверенные шаги и взвешенные решения. От этого он грустил чем дальше, тем больше. Но что бы он ни предпринимал, стать таким, как его милая, у него не получалось.

Выпить, забыться – это да, но потом следовали укоры совести, щемящее чувство зря потраченного времени и неполноценного бытия. Хранила его только любовь к Элизии. Девушка же не хотела себе под боком такого мужа, который будет всю жизнь брюзжать, казнить себя и ее за несоответствие каким-то стандартам.

– Займись чем-то веселым! Есть спорт, есть студия рисования, хор – что угодно. Всегда лучше делать, чем не делать...

– Что ты сама такого делаешь? – возражал Рауль. – Один только маникюр. Сколько уходит времени – час, полтора, это чудовищно долго! Я бы мог прочитать «Популярную механику» от корки до корки.

– Маникюр, солнце мое, это искусство! Попробуй сам, ну, на самом деле, попробуй...

Рауль отмахивался и с головой уходил в чтение. Однажды Элизия пообщалась со своей маман, и та сообщила, что времени и вправду истрчено много, а толку от их взаимоотношений никакого. Надо что-то решать, а то дочка «век в девках будет ходить».

– Нам надо расстаться, – тем же вечером заявила Элизия, следуя инструкции маман, – ненадолго... Полгода, только ты не читай книжки, а посмотри, чем можно заняться увлекательным. Нам что-то надо сделать или с твоим упорством, или с моим легкомыслием, а поскольку себя я точно не изменю, то последний шаг за тобой, солнце мое!

– И что же мне делать? – сетовал молодой человек, но получил ответ, что должен знать об этом лучше, раз прочел столько литературы.

Дальше судьба поводила Рауля по родной стране, отправила в Аргентину, Боливию и оттуда – в Панаму. На это путешествие его вдохновила книжка американской писательницы, которая якобы нашла счастье, переезжая из одной страны в другую и везде заводя друзей. Путевые приятели Рауля были совсем не такими, как у той удачливой американки, – наверное, самому надо быть располагающим к себе человеком, чтобы попадались друзья под стать. Рауль стал звонить Элизии каждый день и делиться своими неудачами, пока та вдруг не лягнула:

– Отправляйся в кругосветку! Пиши мне, звони мне отовсюду, откуда можно, и, молю, не заводь себе другую! Если ты опояшешь земной шар и не научишься радоваться, смотреть на жизнь легче и естественнее, то ничто на свете уже не заставит тебя измениться.

– Можно взять и с тебя такое же обещание – не заводить другого парня до моего возвращения?

– Я буду общаться с друзьями, без этого не могу, но тебя я дождусь, – пообещала Элизия.

На одном судне Раулю попался клоун, вернее, это был клоун в отставке, теперь курносый озорник служил моряком, но возможности подшутить не упустил.

– Правду говорят, – поинтересовался однажды Рауль, – что клоуны и юмористы забавны только на сцене, а в жизни они неудачники или страдают от неразделенной любви?

– Жизнь клоуна там, где весело, а все остальное – это сцена, на которую по недоразумению набрали хмурых личностей, ты в зеркале прямо сейчас можешь увидеть одного такого. Клоуны тормозят тебе подобных. Когда выпотрошат, то из лоскутков делают ленточку – видел, такая дли-и-и-нная? Из цилиндра тащишь ее, тащишь, а она не кончается. Знаешь, почему не кончается?

– Почему? – спросил заинтригованный Рауль.

– Ну как же, ведь она сделана из зануд: они тянут и тянут по жизни свою скукотищу, ни конца ей нет, ни края. А знаешь, почему лоскутки все цветные?

Рауль не хотел больше терпеть обиды и выяснять, почему в дурацкой веревке все лоскутки цветные. Но этот вопрос не давал ему покоя ни тогда, ни позднее. Сколько же он выстроил теорий! Неоднократно подмывало беднягу пойти к бывшему клоуну и разузнать, почему цветные, но гордость не пускала. Однажды любопытство взяло верх, и он спросил.

– Чтобы глаз веселился, – недолго думая, выпалил арлекин.

– То есть как? Так просто? Лоскутки цветные только для того, чтобы глаз радовался? – на выдохе произнес Рауль.

– Смотри, амиго, скучный человек – он и спереди, и сзади, и с каждого своего края весь одинаковый. Кому приятно на такого смотреть? Но если зануд двое, то уже интереснее. И каждый о своем зудит, один об одном, другой о другом... Какофония, понимаешь? Вот смешиваешь в цилиндре двоих, и выходят разноцветные флажки или, как ты оскорбительно их называешь, лоскутки.

– Двоих зануд смешиваешь в цилиндре? – с полным непониманием, совершенно упав духом, произнес Рауль.

– Бразильеро, ты не изучил основ, о чем с тобой говорить? Человек – это больничная карта, там все имеется: вес, рост, чем болел и чем заболел. Знать лицо не надо: про это да про то табличка составлена, фотокарточка приклеена. Тело – одно дело, карточка – другое. Тело – на свалку, а карточке жить и припевать! Так что не тело следует оберегать, а то, что в карточку пойдет. Пока там, насколько могу разглядеть без очков, прописано: за-ну-да! Прямо так, по слогам, чтобы резать ножницами было удобнее... на лоскутки.

Отдаленно Рауль стал улавливать аллегорию про больничную карту, оставляя для себя нерешенной одну дилемму: из двух зануд могут выйти только два цвета, а веревочка всегда многоцветная. Это подгрузило мозг парня на следующую неделю, и, как бы он ни успокаивал себя, что арлекин – придурок, в голове одни опилки, что такая логика и не логика вообще, а высосано все из пальца, изнутри Рауля тяготило, что клоун задел то, с чем Раулю трудно справиться самому. И что же он предпринял?

Бразилец позвонил своей девушке, рассказал всю историю, и она поняла, что ее любимый начал меняться, пусть медленно, но двинулся правильным курсом.

– Солнце мое, ты проплыл пол земного шара, ради нашей любви ты преодолел сотни морских миль, я приму тебя в объятия, лишь только ты вернешься. Возвращайся, из двух зануд действительно можно сделать много цветов, но я не об этом, теперь ты лучше вернись, я соскучилась.

Ободренный Рауль произнес:

– Любимая, напоследок я сделаю что-нибудь такое... привезу тебе диковину или проплыву наперегонки с дельфином. Это будет поступок, которого ты не забудешь!

Девушка подумала и сказала:

– Привези мне открытки из тех мест, где ты встречал рассвет. Еще есть одно, чего я из всех сил хотела бы сама... Но это фантазия, мечта, такого в жизни не бывает.

– Скажи, Элизия, скажи, умоляю...

– Будет тебе, я пошутила.

Но парень не унимался и добился-таки признания.

Мечта девушки

– Ты такой горячий... только обещай, что все, что я скажу, ты примешь как фантазию, упаси Господь считать это правдой. Обещаешь?

– Хорошо, хорошо, но говори же! – не унимался пылкий влюбленный.

– Знаешь, я всегда мечтала увидеть пиратов! Это ерунда, бессмыслица и несусветная прихоть...

Он перебил:

– Пиратов?! Они разве есть? Постой, это про восемнадцатое или про девятнадцатое столетие ты говоришь, в то время действительно... – молодой человек снова стал собой прежним, серьезным и дотошным. Но тут же заметил в себе зануду и опомнился.

– Да нету, нету их, – затараторила Элизия, – говорю же тебе, это моя выдумка!

– А-а-а, я думал, это твоя выдумка, – Рауль, повторил любимую присказку арлекина.

Девушка хихикнула и сказала:

– Ну, такой ты гораздо лучше. Возвращайся поскорее. Тебе долго до Сан-Паулу?

Молодой человек что-то произнес в ответ, его занимал не столько разговор, сколько задача выяснить, существуют ли пираты и чем они промышляют в двадцать первом веке. Матрос-клоун высказался про пиратов в том смысле, что они есть, и стал уверять, что сам их видел и был у них в плену. Надо знать этих шутников, чтобы поверить хоть одному их слову. Рауль про плен усомнился, но решил порасспрашивать дальше. Вскоре у него скопилось несколько историй, из которых явствовало, что да – пираты есть, но...

Все торговые и рыболовецкие суда стараются держаться подальше от вод, где хоть когда-то промышляли морские разбойники. Уж негодяи-то хорошо знали все отмели, фарватеры и бухты, куда могло причалить «жирное» судно. Но и связь между кораблями была не в пример девятнадцатому веку, о пиратах предупреждали, и зона в ареале десятков, а порой и сотен морских миль становилась отчужденной. Тяжелые траулеры жгли ценное топливо и делали приличные крюки, чтобы удалиться от проклятого места.

Перспектива повстречаться с пиратами стала туманной. На рыболовецкой шхуне под индонезийским флагом, где работал тогда Рауль, стояла радиоустановка, и туда каждый час приходили навигационные и погодные сводки.

Однажды команда этой шхуны заметила островок, которого не было на карте. Матросы обрадовались, что там может быть вода, поскольку на острове были видны тропические заросли. Вдобавок требовалась починка сетей, заниматься ею было куда приятнее на теплом песчаном берегу.

На острове не наблюдалось человекоподобных, но были животные, и нашлась вода – все это разузнала экспедиция из пяти моряков, поплывших туда на лодке. Сети починить не представлялось возможным из-за сильных приливов, которые полностью поглощали песчаный пляж. Но когда решено было двигаться дальше, пришла сводка о шторме, идущем с северо-востока, и капитан шхуны принял решение остаться на некотором удалении от острова и зайти к нему с юго-запада, чтобы стихия не бросила их на мель. Поскольку их кораблик запеленговали, вскоре к ним подплыл новогвинейский буксир, который ташил какой-то мусор. Произошел спор – капитан Рауля ругался на новогвинейца, чтобы тот отгребал куда подальше, а то ненароком его консервная банка прижмет рыбаков к берегу и, чего хуже, раздавит. Гвинеец возражал, что как раз с той стороны, куда его посылает рыболов, придет шторм, поэтому пусть-ка хитрый рыбак сам туда ползет.

Капитан на гвинейской посудине оказался португальцем, а это был родной язык Рауля, поэтому зануду снарядили торговаться об убежище, хоть молодой человек и возражал. Так или иначе, но скоро Рауль вступил на буксир и встретился с их главным. Но опоздал: уже доно-

силось мокрое дыхание шторма. Оба соперника решили никуда не двигаться, и Рауль успел расспросить сеньора капитана о пиратах и окончательно удостоверился, что они – реальность.

Так же, как современные суда обросли локацией, интернетом и спутниковой связью, морские разбойники успели обзавестись теми же, а порой и лучшими приспособлениями. Если обычному кораблю нужны только системы навигации и связи, пиратам необходимо еще антирадарное оборудование, создание помех в слежении, бесшумные моторы и, конечно же, оружие. На свой борт филиппинский капитан-пират наймет первоклассного штурмана, знающего всю электронику от морских глубин до космоса, равно как и последние системы дальней стрельбы и торпедирования.

Тема захватывала Рауля больше и больше, а капитан Доминго обрадовался возможности поболтать на родном языке и с охотой отвечал на вопросы дотошного бразильца. Договорились до того, что через три часа Рауль решил остаться на «Веронике» и даже не брать расчет у своих рыбаков, которые теперь качались на больших волнах всего в трехстах метрах от новогвинейцев. Причиной спонтанного решения юноши стала вскользь брошенная сеньором Доминго фраза о том, что «и с пиратами можно работать, если они покупают у тебя, а не обдирают». Рауль смекнул, что весь этот мусор на судне с прекрасным названием «Вероника» кому-то да предназначен. Зануде все еще не хватало фактов. Он тогда додумался расспросить на английском кого-нибудь из моряков и узнал, что да – мусор везут покупателю. Но какому, не сообщали.

«Я бы мог приобрести этот хлам, – размышлял бразилец, – для прикрытия – провести финансовую аферу, отмыть деньги, а потом выкинуть грязные бутылки обратно в море. Сколько же этой пластиковой мерзости плавает по волнам! Нетрудно догадаться, что сначала это тащат на борт, а потом вываливают назад в море! Можно собирать, куда-то везти, продавать – надо же, как работает мозг!.. Еще можно переплавлять и получать пластмассу, полиэтилен, нить для троса, да много чего...

Только вот кто, как не мафия, станет таким заниматься?

Если я не попаду к пиратам, то хоть увижу и сфотографирую бандитов – Элизия оценит. О да, она будет визжать от восторга!»

Через сутки, сделав разворот от захолустного островка, «Вероника» взяла курс на север. Сеньор Доминго был рад заполучить морячка с толковой головой и на том же скромном жаловании, что платили ему индонезийцы.

Неправильные пираты

Первый взгляд на «Робокол» убедил бразильца, что перед ним пиратский бриг. Несовременный, но изящный облик говорил о многолетней истории судна. Его контур, ночная подсветка снизу вверх добавили шарма морскому тирану. Правда, подсветку обеспечил шлюп «Вероники», ночью причаливший к бригу черно-зеленого цвета, а силуэт «Робокола» портили неуклюжие контейнеры, наставленные друг на друга ближе к корме. Но молодой романтик остался доволен и в ту минуту не сомневался – перед ним пиратское судно. Его не смутило выведенное краской название «Скайбриз», что относило судно к разряду круизных лайнеров. Матросы-пираты быстро управлялись с швартовкой, и их мусорный буксир каких-то пятнадцать минут стоял борт к борту с «Робоколом». Рауля подключили к разгрузке, и он несколько раз поднимался на пиратский бриг, все больше чувствуя, что этот корабль именно то, что он ищет. Как же теперь на нем остаться?

«Робокол» не была похожа на место, где ищут работников. «Это и ясно – тут только проверенные люди. Нужно попасть к капитану!» Устремленный парень добрался до кают-компании, где должны были решаться вопросы торгового характера. Внутри уже находился сеньор Доминго, вот незадача!

Всю дальнейшую историю капитан Сострадательное Око знал, поскольку Рауль решил напрямую говорить с капитаном-пиратом, что для любого неслыханная дерзость.

– Почему ты хочешь остаться? Выкладывай всю изнанку, не трать мое время на выдумки, будто твоей девушке понравится то и это.

Рауль был застигнут врасплох – капитан попал в точку: это то, ради чего, он думал, хочет остаться. Поскольку ответа не находилось, он пошел ва-банк. Заплетающимся языком бразилец стал объяснять, дескать, правда, он хотел порадовать свою Элизию тем, что нашел... пиратов. Но вместо опровержения или подтверждения гипотезы о пиратском наследии «Робокола» капитан задал другой вопрос.

– И что она сделает? Полюбит тебя больше за то, что ты глазел на мусоровоз? У вас в Бразилии мало пустых пластиковых бутылок?

– Она... она не такая, она хочет меня... другого. Из-за нее я отправился в кругосветное плавание.

– Ах ты, альфа-самец! – перебил его капитан. – Дурачишь себя, что из-за юбки пошел в кругосветку. Это в романах жюльверны пишут, а я ни за что не поверю. Полагаю, тебе лучше вернуться к сеньору Доминго, уж он счастлив иметь романтика в команде чистильщиков.

– Сэр... не знаю вашего имени... сэр, я правда, точнее, я правду вам сказал. Мне она долбила мозг, что я скучный, дотошный, замуж не хотела, чтобы с таким не... но она ветреная, так тоже нельзя...

– Ты, следовательно, ищешь совершенства? – перебил капитан.

– Да, сэр! – Рауль почувствовал, что капитан пробует ключ для входа, но сосредоточиться на этом не хватило времени. В такую минуту не терпится побыстрее услышать, будет ли исполнено желание, или тот, от кого исполнение этого желания зависит, отправит твою мечту подальше.

Стучалась в голове только эта мысль – «да или нет», но капитан не торопился.

– Что препятствует моему пребыванию, сэр... не знаю вашего имени?

Рауль сгорал от нетерпения, и Сострадательное Око это заметил и объявил, что хочет знать об отношении новичка к некоторым вещам. Первое: верит ли тот в Небеса?

– Я верю, верю в Святую Троицу, в Царство Небесное, верю!

Потом дальше: если эта вера встретится с испытанием, готов ли Рауль к таковому. Верить – значит всецело довериться, отдаться в руки Единого и пренебречь своей волей. Так ли Рауль понимает веру?

В молодом человеке проснулось сознание своей непростой доли – немногие его возраста прошли полсвета в поисках не какого-нибудь предмета, а по внутренней причине, разыскивая что-то упущенное в архитектуре своей души.

– Сэр... простите, могу я узнать ваше имя, – Рауль не надеялся на ответ. – Год назад я покинул Бразилию и с тех пор не был дома. Я молился, чтобы выжить. Были качки, мы сидели на мель. Не далее как позавчера нас застиг сильный шторм, нас могло разбить об этот остров. Тогда мы были бы во власти Господа, все на необитаемом острове. Я был готов и отдал бы жизнь, когда бы этого потребовало провидение или возникла бы угроза жизни остальной команды. К такой жертве я готов, поскольку за плечами три океана...

Капитан знаком показал, что можно не продолжать, он имел в виду другое.

– «Робокол» – Небесное судно. Господь снабдил нас этим кораблем, хотя ты видишь, что он набит хламом, – капитан сделал паузу, пристально глядя на молодого человека. Все время до этого они стояли у рейлинга ограждения кают-компания снаружи. После своих слов капитан пригласил жестом пройти в сторону кормы, чтобы продемонстрировать и без того известную Раулю груды пэт-бутылок и рваных сетей. В соискателе загорелась надежда: «Наверное, берет, иначе зачем так спрашивать?!»

– Ты упомянул об острове, вчера...

– Теперь уже позавчера, если мы не пересекли временной пояс, – поправил Рауль.

Капитан молчал, ожидая продолжения, но Рауль не понял, является тот дурацкий остров аргументом в его пользу или против, поэтому напрягся и тоже не раскрывал рта.

– Как называется остров? – вступил капитан.

Молодой человек описал всю ситуацию, немного устыдившись факта, что за каких-то три дня меняет уже второе судно. Но капитан не обратил внимания, и Рауль с энтузиазмом поведал, что остров необитаемый и, скорее всего, не принадлежит никому. Обыкновенно в главной бухте стоит указатель или на высоком флагштоке развевается флаг государства. На том острове не нашлось признаков людской цивилизации.

– Да просто там высокий прилив, мы-то сами напоролась на этот островок. Под штормом все там гнулось, и, будь прилив повыше, он ушел бы под воду. Вот, я сделал фото на телефон.

Рауль протянул капитану свой телефон, и тот стал рассматривать изображение, которое ничем не отличалось от тысячи похожих картинок с тропическими островами.

– Господин моряк, я разрешаю вам остаться на «Робоколе», – неожиданно произнес капитан. – Есть условие... я капитан, здесь слушаются меня, и вы не забываете: «Робокол» – Небесный ковчег, что бы вы об этом ни думали и какую бы информацию ни узнали. Вы принимаете эти условия?

– Конечно, разумеется... – Рауль не знал, радостно ему или нет, но разволновался ужасно, как на бойцовой арене. Впереди маячило разочарование, поскольку судно с таким определением меньше всего походило на пиратскую шхуну. Однако сколько эмоций! Новости капитана как дождь обновления.

– Мое имя – Сострадательное Око. Партнеры зовут Коай, но для моряков – Капитан или Сострадательное Око. Не коротко, но понятно.

«Не коротко и непонятно», – тут же подумал Рауль. Разочарование подкралось ближе, и он ощутил горький, саднящий осадок, какой возникает, когда делаешь глупость, делаешь не в первый, а в десятый раз.

– Ты сказал, что веруешь, не так ли? – прогремел капитан и заглянул в лицо Рауля. Бедняге показалось, что он видит не добродушного белобородого мужчину, а другое существо.

Что-то даже будто с хоботом. Парень отдернулся, зрение расфокусировалось, перед глазами все пошло пятнами, но затмение быстро прошло.

– Да-да, говорил... и что же, я верую.

Парню стало страшно, и он усилием воли снова поднял глаза на лицо капитана, которое выглядело теперь обычным, слегка строгим, но глаза выдавали то, что значилось в имени, – сострадание.

– Вижу и верю, ну-ну, – передразнил тот, но лицо уже не изменялось. Капитан хотел добавить что-то в виде наставления, даже поднял вверх указательный палец, но осекся и велел только распорядиться насчет каюты для нового матроса.

– Ту, где наш... покусанный юрист от фон Либена. На пару будут!

Покусанный

Капитан совершил над собой усилие, а так хотелось сразу расспросить бразильца про необитаемый остров. Но такого любопытства не стоило проявлять сразу. Подобные острова могли появляться на год, а то и полгода, пока не изменится температура течений. Потом их скрывает пучина и быстро размывает движением воды, так что никогда и не скажешь, что здесь существовала суша.

При встрече с Тасико Сострадательное Око помнил про остров и мог бы воскликнуть: есть почва, есть откуда взять! Но «небесный капитан» проявил выдержку и пообещал дать ответ позднее. Бразилец Рауль не входил в планы, не нужен был как моряк и по личным качествам был отнесен капитаном к разряду пресмыкающихся – невысокий класс животных, произволением Небес вступивших в людское царство. Однако капитан должен был выслушать любого просящего и оказать ему помощь, насколько мог. Что по-настоящему привлекло внимание босса – так это то, что парень не задал вопроса о жаловании и...

Просился на корабль, зная, что это мусоровоз!

Получалась интересно, так же, как с Дитером-Димой. «Бог весть где, в Германии, а корабль в Индийском океане, а ведь дострелила до него Аврора! Скоро станет известно, за что теперь скрывается...» Случай с бразильцем был похожим – «Робокол» на расстоянии незримыми лучами создала в уме молодого романтика «пиратский корабль», подстегнула искать в бескрайних водах непонятно что и наконец понять, что ищет морских разбойников. Но пиратов разыскивают те, кто хочет с ними расправиться, либо те... кто хочет пиратом стать.

«Пиратом так пиратом! – произнес про себя Сострадательное Око. – Назвался груздем, полезай в кузовок!»

– Хэндборо, – позвал он помощника, – загляни через час, как устроился новенький. Расскажи, дружище, бразильцу про наш распорядок и утреннее построение. Если же он заснул, то разбуди и предупреди: восход солнца у нас никто не пропускает. Еще посмотри, любезный, не очухался ли Дима. Завтра Япония, ему по земле походить надо, – и с улыбкой добавил: – А может, побегать...

– Я так мыслю, Коай, он попырует совершить побег! Ему здесь не нравится, к тому же, у Димы есть деньги, а на воде, сами знаете, деньги сильно тянут к суше.

– Да он просто не в курсе, как в океане можно тратить! – возразил капитан. – Я тебе давно говорил, что надо сделать каталог и перечислить, что где можно купить, по каким ценам. В Индийском океане столько чудес: и жемчуг, и перламутр, и какие только бриллианты не лежат на дне. Мы можем продавать дно! А что – луну ведь уже продают, а мы дном будем приторговывать, слышишь, Хэндборо?! Потом, дружище, сколько плавучих «райских уголков», пять или уже семь? Ты помнишь?

– Было пять, – тихо ответил Хэндборо, которого капитан всегда старался подколоть на недостатке коммерческой жилки.

Коай разошелся:

– Лион помнишь? И владельца «рая», он так и называется – «Лион парадайс». Он же и вправду львом был, все мы из животных сделаны, но ты посмотри, как точно он про себя-то узнал! На Лионе они насадили себе пальм, белого песка натаскали, ну, чем не рай? А каталога у них нет, какие же это богатые райские жители, если у них нет современного каталога?

– Это печатное издание, лицензия нужна, редакция... – бубнил Хэндборо.

– Представь, – не слушал его капитан, – «Лион парадайс» размещает у нас свою рекламу, ну, не самого рая, а, так сказать, услуг райских. Видел – у них флот, да нет – флотилия! Они возят друзей по островам Британской Виргинии, на Кубу. Хэндборо, честное слово, давай уже выступать с бизнес-предложением!

- Надо делать расчеты, цену мы их не знаем, ничего не знаем... – протестовал помощник.
 - Так давай придумай цену, чтобы они обрадовались. Надо с готовой идеей приходить, а не спрашивать клиентов по пустякам, сколько стоит миля-час, сколько дополнительное полотенце, крем от загара. Интернет у нас есть – все там посмотришь.
 - Времени нет, – выставил последний аргумент моряк, поникнув головой.
 - У нас два бездельника на борту, один... ладно, про покусанного пока... другой вообще из ящериц пришел, ему еще дослужиться надо до нашего «мусоровоза».
 - Что, мерзкой ящерицей? – с пренебрежением спросил Хэндборо.
 - Успокойся, я шучу. Проклинаю себя, что говорю, кто кем был, много раз убеждался. Это тебе по дружбе... но парню надо поработать, а то крышу сорвет. Понимаешь?
- Хэндборо утвердительно кивнул головой.

Опять имя Дитер

Бездельники толком друг с другом не познакомились. Лишь войдя в каюту, Рауль ужаснулся больничному запаху. Потом увидел на нижнем лежаке распластавшегося моряка, который то ли с кем разговаривал, то ли бредил. Новичок счел ниже достоинства знакомиться с невменяемым. Он вынул фотоаппарат, кинул сумку на верхнюю койку, осмотрелся и вышел наружу. Ему предстояло завязать с «пиратами» как можно больше знакомств и сделать снимки, которые надлежало отправить Элизии, вроде символа достигнутой цели. Что дальше, новичок представлял себе слабо, но, как и Дима, стал думать в сторону берега, «когда представится возможность».

Но не успел он сделать и двух снимков, как сзади к нему подошел крепко сложенный моряк в командирском кителе мичмана и строго произнес:

– От-т-т-ставить! Съемки только с разрешения капитана. Твое имя?

– Ра-а-ауль, – признался нарушитель.

Размеренным голосом, хотя и с нотками пренебрежения, а лучше сказать – отношения высоко организованного существа к более низкому по эволюционной шкале, Хэндборо донес до новичка правила, изумившие последнего до глубины души. Когда Рауль узнал о «солнечном построении», мысль, что он на корабле настоящих разбойников, стала сдавать назад. Дрогнувшим от волнения голосом он пытался разузнать, к чему это построение, на что получил краткий и емкий ответ:

– Богу угодно!

Дальнейший расспрос новичок решил отложить на попозже, когда этот церемониал закончится. Было любопытно увидеть, как другие воспринимают «равнение на солнце» и достаточно ли на корабле вмняемых людей или же тут одни помешанные. Это планировалось определить по лицам, так как в двадцать три года он полагал, что уже научился разбираться в людях.

Вскоре новичок стоял на верхней палубе самым крайним в шеренге разнокалиберных моряков. Раулю повезло, что в тот день небо было безоблачным. Трюк с прожектором глубоко смутил бы юную душу. Дул утренний ветер, трепетал флаг, лязгали штоки, но все люди молчали. Пронзительно ударил корабельный гонг, и через несколько секунд над морем засверкали первые лучи ярко-оранжевого диска. Правда, скоро их не стало видно, вдалеке на горизонт набежало облако.

Несмотря на это, матросы все как один смотрели на солнечный трон. Кто-то прищурился, иные глядели во все глаза даже тогда, когда солнце выкатывалось на полную. Капитан стоял на своем мостике и, подобно остальным, смотрел, не мигая, на солнечный диск. Все было торжественно и... без единого людского звука. Новый свидетель не наблюдал сумасшествия, патологии или одержимости. Не видел он и театральной наигранности, с какой актеры изображают иную сцену, хотя сами в нее не верят или смеются над нею. Никто не кричал и не рычал, но безмолвие само по себе пугало Рауля более остального. Все пошло наперекосяк, ни йоты того, о чем он мечтал. Ему стало тоскливо и жалко своей жизни, той самой жизни, которую час назад он хотел предложить капитану или пустить ее на подвиг во имя спасения других. Наконец это действие закончилась, и моряки молча разошлись по своим местам.

Пятью минутами позже по громкой связи прозвучало объявление о подходе к Японским островам. «Вот ведь недоразумение: вместо того чтобы объявить, когда вся команда стояла на палубе, чтобы каждый понял, чтобы убедиться, что нет дополнительных вопросов...»

Рауль вознамерился найти «мягкого» человека, какой попадается в любом коллективе, и тот бы объяснил местные странности. Вместо этого оказался помощник капитана и рассказал новичку всю глубину его новых обязанностей – уборка палуб.

Убирать корабль, который по швам трещит от мусора... Авгиевы конюшни, а еще называется Небесным бригам. О Святая Мария!..

Раулю вспомнилась «Вероника», и к горлу подступила горечь: ну, зачем он покинул милое суденышко?

Тем временем его сосед по каюте, невзирая на то что еще не до конца оправился, уже выступил на поиски доктора Генриха, нашел-таки его и ждал свои кредитки внутри навигаторской каюты. Генри выбежал от Димы, но куда-то не последовал – кредитки были у него в кармане. Чтобы занять время, он стал прогуливаться по палубе и натолкнулся на Рауля, изучавшего нехитрую конструкцию корабельной швабры. После краткого знакомства Генри решил было уходить, но новичок задержал.

– Вы не поясните мне про построение, и это... солнце? Я ходил на «Веронике», – пояснил Рауль, сделав акцент на названии, будто полсвета должны знать это судно, – там такого правила нет, и на других кораблях нет.

– Малыш, это «Робокол», – произнес Генрих тоном, значащим, что остальные полсвета должны чтить этот корабль. – Метафизика, Робокол – тебе эти понятия что-то говорят?

– С метафизикой я знаком, – попробовал ответить малыш, но лучше бы он не зазнавался.

– Тогда с этого края, чтобы доходчивее: теория поля тебе известна, теория проекции тебе должна быть знакома и комбинирующееся единство, надо полагать, тоже. Но у меня мало времени... Робокол – это супер-коллективный разум; в нем нет тебя, нет капитана, нет отдельных единиц. Все, что есть, – это комбинированное существо, социум, который возможен только в определенном месте, в обозначенной части вселенной. Подобран социум из сумм предшествующих успехов и промахов каждого из его компонентов. Суммарно получается проходное число, и оно должно быть выше, чем в среднем по палате...

Рауль ничего не понимал и потихоньку этого типа причислил к ненормальным.

– Палате? – визгливым возгласом прервал он речь собеседника.

– Я ясно говорю по-английски? – услышал он вопрос-ответ.

Рауль решил не перебивать и дослушать – молчание утренних матросов чему-то да научило его.

– Всегда вопрос в сознании, – почему-то погладив себя по лысине, промолвил Генри, – но давай на этом прервемся, мне надо по делу. Заходи, когда закончишь, в медкабинет на второй палубе, я дорасскажу. Ты, кстати, что, латинос?

– Бразилия, – с достоинством произнес Рауль, – Пеле! Ох, сейчас бы в футбол! В Миязаки попинаем мячик? – бросил он уже на ходу.

«Подходящий тип, доктора обязаны быть вменяемыми...» – порадовался Рауль встрече с Генри.

Метавестика

Изложение основ мира в исполнении Генри явилось для Рауля неслыханным откровением. Весь секрет в том, что Генри сводил сложные понятия к простым.

– Все определяет сознание: и эту воду за бортом, и нас с тобой, и чаек – это известные вещи, французские импрессионисты поняли эту штуку в девятнадцатом веке и наворотили тако-о-е искусство! В России потом отголоски слышались, но там все в революцию переросло, так сильно их схватило. К слову сказать, символическим моментом той революции был корабль «Аврора» – в аллегорическом смысле дедушка нашей посуды. Не было бы «Авроры», не видать русским их революции. Не было бы «Робокола», наши судьбы имели бы другую канву. Люди – это инструменты сознания; ты бы, к примеру, каким-нибудь бычком ходил в полях. Но это наш капитан так развлекается – шутит, значит!

Сознание работает на два участка: и вверх, и вниз, как термометр. Внизу, там, где холод обычно показывают, лед и заморозки, там все так и есть – заледенелое, то есть, затвердевшее. Догадываешься, в какой карбоновой оболочке мы с тобой обитаем? Тела людские – это, собственно, груда замерзшего вещества, что в низкой температуре. Теперь поднимаем градус...

На этих словах Генри прервался, снова погладил себя по неправильной, все никак не желающей оформиться лысине. Он поднял руку, будто что-то вспомнил, затем щелкнул пальцами, направил указательный палец вверх, покосился на пробирки с прозрачной жидкостью. Но потом цыкнул языком – передумал.

– Итак, градус вверх – это, условно, сознание, направляющееся на просторные формы; во льду, согласись, не разгуляешься. Вода уже осязаемая величина и одновременно бесформенная, она есть, ее можно зачерпнуть, но то, что помещаешь в любой объем, не представляет всю воду. Лишь образец, так сказать, воды, разлитой по всей планете, и, как ты убедился, воды этой куда больше, чем всего остального на земле, куда больше!

Вода есть метафора, чтобы понятно было. Эта самая вода есть и в той твердейшей, замороженной субстанции, которая неизбежно будет принимать форму, она обречена на форму. Об-ре-че-на!

Гляди сюда, у меня все в кабинете – модель Вселенной. Вот – кран с водой, а тут ниже – краник для газовой горелки; видишь, как все устроено. И все такое же во Вселенной Бога: краник с водой и тут же краник с газом: сейчас вода – это жидкость, и, как только потребует необходимость, она станет газом; газы – это следующий мир. Знаешь, я изучал анатомию, увлекался сам, и не поверишь – в нас столько газов. Да мы настоящий воздушный шар, надутый газами, и не взлетаем по той причине, что газы разные: есть тяжелые, есть такие, что в сотни раз легче воздуха. Капитан говорит, что мы животные, и знаешь, он прав. Достоверно сообщу, животных газов в этом теле куда больше воздушных... Странно, не так ли?

Вот трещит шов, сваренный нерадивым сварщиком. Оболочка сразу отпускает газообразные элементы. Даже поранишь палец, и то сначала высвобождается давление сосуда, а давление – не что иное, как газ.

Кто владеет газом – владеет всем!

Нам сейчас интереснее газ легкий, тот, что способен обеспечить поступательное движение вверх. Однажды газ оторвал от животных разумную субстанцию и переместил в двуногих, но и внутри нашего типа еще сильны тяжелые смеси. Наконец, есть настолько тонкие газы, что их не различить методами, подвластными людям. Ты слышал об эфире?

Никто точно не знает, что это такое, а я знаю: это газ, но неземной. Он проникает и сюда, и также на Небеса. Тебя капитан про Небеса спрашивал? Конечно! И ты согласился, что они есть. Зря согласился! Ты же мужик, надо свою точку зрения до конца держать, а раз согласился,

то словно подписал контракт. В мире высокого газа – только ты не пробуй – носом ты ничего не почувствуешь, вообще чувства не улавливают.

Но улавливает интуиция. Небеса постоянно проецируют свои картинки на нашу землю, все двадцать четыре часа, семь дней в неделю и двенадцать месяцев в году. Но из-за газов картинка искажается, понимаешь? Нет, не понимаешь, по глазам вижу – ничего не понимаешь! Тогда так: солнце не такое, каким ты его видел этим утром на построении, не такое, каким ты его видел всю свою жизнь. Космос уродлив – там чернотища, в которой вспыхивают и выгорают дотла звезды. Но из-за звезд он только и существует, весь космос, чтобы звездам было где гореть. Этот огромный океан открытого космоса не представляет собой чего-то феноменального. Писатели придумали там войны, лучезарные кометы, разноцветные туманности – брехня! Профанация чистой воды. Космос ничто – сознание все!

Небеса – это сознание, но Небеса не космос, не ионосфера. Всегда Небеса были, есть и будут сознанием. Тем самым сознанием, что в нижнем спектре термометра затвердевает, но в верхнем исчезает как осязаемое, превращаясь в... чистую любовь.

Интуиция сплетена с чистой любовью. Интуиция – игрушка сознания: как дети ваяют Санта-Клаусов из снега и песка, сознание смастерило интуицию и поместило ее во все существа. Небеса недостижимы для человека, сколько об этом ни пой. Просто человек должен перестать быть тем, кем является, и сделаться каналом интуитивной любви. Небеса проецируют эту любовь, и в бесконечно искаженной форме планета раздает ее своим земным детям. Смотри, другая аналогия: когда мы тут собираем хлам, это то, что выбросила планета, попользовалась и выплюнула. И из тонн, сотен тонн мусора возможно произвести лишь немного полезного материала, продать его и получить золото. Несколько грамм. Сто тонн мусора – на десять грамм золота. Жернова земного сознания перемалывают людскую любовь тысячами и миллионами тонн, и на выходе – один человек, не сто, не десять, а один. Но один, в ком сияет чистая любовь.

Ведь куда-то же это разочарование, эти муки и неутешные людские слезы... куда-то их надо деть, они не могут, не должны оставаться на брэнной планете. Иначе мы провалимся в космос, станем черной дырой. Так сознание составляет одного, но с могущественным потенциалом чистой любви. Мы полагаем, капитан – один из таких. Слышал его имя? – Сострадательное Око, причем не сам он, а папуасы, дети природы, его так называли.

– Вот, Пеле, тебе предыстория! – глаза доктора блестели. Он наконец отвернулся от собеседника, и руки его загремели по пробиркам. Выхватив одну, он, не разбирая пути, направился к шкафу, потом зашел за шкаф, будто что-то потерял, но оттуда буквально прибежал бегом и возобновил рассказ:

– Кто возьмется разыскать такого человека, если не сознание само?! Солнце дано нам, смертным, чтобы ходить и шупать, – авось найдем. Наладив связь с солнцем, мы достигаем рубежа, где начинает светить наше внутреннее солнце и просыпается интуиция. Мне надо время от времени бросать якорь, иначе интуиция заносит высоко, я свои дела делать не могу...

Рауль все время внимательно слушал и решил, что надо попробовать послать этому человеку мысль – прочтет он ее или нет? Слишком уж он разошелся про интуицию, на практике надо посмотреть.

Юноша задал вопрос: «Робокол» – пиратский корабль или нет? Он ждал, прозвучит ли в той или иной форме ответ. Пока же Генрих разводил руки и демонстрировал какую-то величину, про «Робокол» речи не шло.

– ...сумма величин, кто-то выше, чем остальные, по суммарному баллу считается, что погрешности сознания, если они правильно восприняты, усвоены человеком, – это тоже балл. Скопить надо как можно больше, и вмещивается фактор времени. Время само было выдуманно сознанием, чтобы можно было играть с материей; бесконечной игры не выдержит ни один предмет из мира чувств, ни один. Грубая ошибка требует больше времени для шлифовки и переработки в противоположный тип – сверхлегкое – и затем в эфир. Стартует сознание с того дня,

когда из зверюшки человек превращается в человека. Но за человеком сразу же начинается охота: хорошего парня везде надо!

– Понимаешь? Миллионы приходят без всякой защиты, поэтому легко попадают на удочку охотников. Кто-то и с защитой залетает под сачок – все справедливо: не захотел бы, не попался. В эту забаву богов не стоит вмешиваться, но капитан вторгся. Он вроде пирата, да! Сказал им: эти ребята – мои, и все! А с той стороны, значит, ему – давай откуп!

В эту секунду корабль так сильно качнуло, что посыпались пробирки, стоявшие на столе, и из тех, что не разбились, все содержимое выплеснулось на стекло, прикрывавшее столешницу. Жидкость заструилась к краю, грозя пролиться на пол. Генрих проявил невероятную изворотливость и успел подставить ладонь, сложенную лодочкой. Сделал он так и правой и левой рукой, так что скоро у него было две пригоршни сильно пахнущей спиртом жидкости. Он выхлебал одну, а другую предложил гостю. Тот брезгливо сморщился и отрицательно закрутил головой, тогда Генри выпил и из второй.

– Не умеют они машину останавливать, – шумно втянув воздух ноздрями, произнес он, – всегда так: подходим к мели, и движок будто кувалдой тормозят, так же угробят поршни! Ты что так смотришь? Я же говорил, мне надо сознание свое балансировать, иначе сносит туда, – на этих словах доктор кивнул головой вверх. Как и утренние матросы, серьезно смотревшие на солнце, в его поведении не чувствовалось наигранности или фальши. Но поразило Рауля другое: доктор все же сказал про пирата!

Все так устроено: мы считаем что-то истинным, только когда открываем это сами. Когда что-то обнаруживает другой и рассказывает нам, то мы не верим, сомневаемся. Рауль к тому же видел, что доктор склонен выпить, и даже когда в порыве отбежал за шкафчик в своем кабинете, то и там, видно, хлебнул.

Но что порадовало молодого человека, так это упоминание о пиратах. Возвращаясь в свою каюту, он напевал что-то в ритме танго и с удовольствием наблюдал, как блестят волны: море сегодня будет спокойным. Незнакомый матрос с нижней палубы произнес: «Это же надо, запел кто-то, видно, подружка уже с берега зовет...» Рауль вспомнил про Элизию и решил отыскать интернет на этой посудине, чтобы написать ей свои впечатления да отправить несколько сделанных тайком фотографий.

Тем временем его сосед уже интенсивно собирался: «Брать самое необходимое, чтобы не вызывать подозрений... только что буду использовать в первый день, остальное докуплю... Так, так, что у нас с наличными? Тысяча четыреста евро. Хватит добраться до Токио, а там разберемся... Выдадут мне, наконец, паспорт?!» В каюту боком протиснулся упитанный дежурный – Маквэйн – и протянул Диме конверт с паспортом и деньгами – полумесячный аванс в японских иенах.

Дима изобразил равнодушие и произнес:

– Почему все в иенах, мне все за сутки потратить, что ли?

– Я тоже не в восторге, – отозвался вечный дежурный. Парень будто был рожден все время нести вахту, хотя засыпал возле каждого леера.

– В офисе сказали, что с прошлого раза иен много осталось, а в Сингапуре курс был неудачным, ну и потом, на кой нам Синга-баксы?

– Угу, – согласился Дима, – ты-то на берег идешь?

– А как же! Здесь вот только распишись, что получил иены и паспорт...

– Кто же на вахте тогда? Как корабль обойдется без доблестного хранителя?

– Не, ну, служба безопасности, там пара человек, капитан, как всегда, а на вахте новенький, бразилец.

Дима нахмурил брови.

– Ты что, не знаешь? – округлил глаза Маквэйн. – Он вроде как твой сосед... Ну, парни, живут тут в одной конуре, а друг друга не знают...

Толстяк тряхнул головой и вышел. После этого Дима заметил посторонние вещи на верхней кушетке, но было не до того, времени оставалось четверть часа.

Последним на скромную стопку вещей лег портрет матери, который за трехсекундное путешествие из чемодана в сумку успел два раза поменять выражение лица: равнодушное, когда портрет извлекали, и ехидное, когда клали в сумку.

«Как рассудок водит за нос! Сто тысяч раз смотрел на нее, те же черты, а из-за настроения кажется, что меняются. Добавленная стоимость какая-то...»

И когда команда погружалась в катер, и все сорок минут, пока плыли до порта, Дима думал об этой необъяснимой штуке – изменчивости фотографической картинке. Эта мысль заняла его настолько крепко, что берега он не видел, не слышал бодрых разговоров моряков, а, главное, совсем забыл думать о побеге. Собственно, и побегом такое назвать нельзя, никто за ним не следил – просто все условились быть на пристани через двадцать часов и все.

Миязаки не представлял для Димы интереса, он сразу двинулся на железнодорожную станцию и купил билет на скоростной поезд до Токио. Отчего-то Дима стал обращать внимание на видеокамеры в подземных переходах и на крупных перекрестках. Подспудно его преследовала мысль, что за ним следят, но, сколько он ни оглядывался, все время видел озабоченных своими делами и куда-то торопящихся японцев. Диме вспомнился пограничный чиновник в порту, просматривавший его паспорт. Как же дрожали у него колени! Даже когда проштампованный паспорт вернули, облегчение настало лишь на пару секунд. В голове не умещалось, как ни капитан, ни Хэндборо не догадались, что он, нещадно обиженный, брошенный в пасть к акулам и возненавидевший всех этих карателей, – как такой разочарованный человек захочет вернуться в их тюрьму? Конечно, они, да и не они только, а все матросы могли это предвидеть. Но ведь отпустили же.

В другое время Дима оценил бы комфорт и необычайную скорость японских поездов, то, как бесшумно они проглатывают километры, доставляя пассажирам удовольствие от причастности к невероятной силе вовне и спокойствию внутри мягких, светлых салонов. Всего этого Дима не замечал.

«Почему она ехидно на меня посмотрела?» – Дима аккуратно, чтобы не дай Бог не побеспокоить ее лишним раз, приоткрыл сумку и быстро взглянул на портрет матери. «Так уже было с маминной физиономией, когда мы только начинали с Анн... Все было так прекрасно... какая милашка была Анн, вот бы сейчас ее фотку, ведь не осталось ничего!» Ему впервые пришло на ум, и мысль сразу обратилась в убежденность, что все уже срежиссировано, роли распределены, сцена подготовлена. Обстоятельства его жизни определялись не им и не вчера, а еще в канун его рождения, еще, может, до того, как мама стала ходить с пузом. «О боже, неужели просто актер? Ну, а по правде, что в этом дурного?»

– Что в этом дурного? – вслух по-немецки произнес Дима. Пожилая женщина, сидевшая в соседнем кресле, нагнулась к нему и, судя по интонации, переспросила, что он сказал. Все на своем птичьем языке. Все японцы хотят помочь. Дима заулыбался в ответ и помахал перед старушкой растопыренными пальцами, потом показывал на себя, произнес: «Турист, турист». Дама одобрительно закивала головой, и в ее глазах блеснули одновременно радость и сочувствие.

«Совсем другие глаза, не как у мамы – японка видит мою наружную часть, а маман, так сказать, изнанку, где одна темнотища... И надо же, эта дама мне улыбается, а покойная мама надо мной смеется, будто внутри меня можно найти что-то веселое!»

Дима остановил разносчика газет и напитков, улыбнулся ему в только что изученном японском стиле и купил банку колы. Узнав, каковы они на вид – японские иероглифы, он понял, что эта нация вносит немалый вклад во всемирный круговорот мусора: подобных баночек за последнюю неделю он перебрал с несколько тысяч. Пока Дима пил, его взгляд поймал видеокамеру, смонтированную в стену вагона. Чтобы преобразиться, новоиспеченный японец

сузил глаза и раздвинул губы в улыбке. В таком неестественном положении он решил оставаться до завершения поездки

«Буду до конца дней благодарить Японию, если на станции меня не заберут как сумасшедшего».

Токийская кошка

«Они расспросят таксистов, и наивные водилы доложат, куда меня отвезли. Нет уж, пройду пару кварталов ногами». С небольшой сумкой Дима легко зашагал прочь от железнодорожной станции и, пройдя четыре квартала, стал ловить такси. Все машины шли полными. То же самое повторилось и через восемь, и через пятнадцать кварталов. Когда стемнело, машин тоже поубавилось. Шло время, а вывески «Отель» прятались от туриста. Дима завернул то ли в кафе, то ли в кухню, где все шипело и клубилось паром. На удивление, забегаловка была полна народа, и, несмотря на поздний час, ели все оживленно и много болтали. Внутри этой парной Дима почувствовал, что на улице было все же прохладно. Он заказал алкогольный коктейль и вышел из этой харчевни через час вполне согревшимся. Ему было хорошо, и теперь он никуда не торопился. Сначала погулял по этой бесконечной улице вперед, потом назад и, к своей радости, снова наткнулся на харчевню, где по-прежнему была тьма-тьмущая народу. И, как это часто бывает с подвыпившими матросами, скоро у него появилась спутница.

Она не понимала его, он – ее, но им было весело, поскольку она знала свою работу, а Дима притворялся, что не знает местных обычаев, не обращает внимания на плакаты по стенам с телефонными номерами девушек, не замечает фальши в ее улыбке. Ему просто ничего не хотелось менять, и он отдался на волю случая, раз уж все пошло, как пошло. Последним и веским доказательством ему было то, что в этой едальне-бордельне не было ни одной камеры. Еще он смутно представлял, что наутро, когда придется с ней рассчитываться, он сделает недоумевающий жест: «Иен нет», пригласит подружку к банкомату, передаст ей карточку и свой пин-код и понаблюдает, как она будет снимать его деньги. И пусть видеокамера в японском банкомате запишет, что за девушка снимает деньги с его немецкой карточки.

Ему делалось приятно от такого плана, пускай он и не представлял его в деталях, но все равно заказывал Китти третий коктейль и всю ее обнимал, а она смеялась и выглядела совершенной наивностью.

Наутро, хоть голова и ужасно трещала, Дима оценил все театральное мастерство «токийской кошечки». Европейская обманщица стреляла бы глазами или отводила их влево и вверх, а кто из них читал «Психологию», то вправо, потом по кругу, на секунду задержав взгляд на собеседнике, – сколько таких сцен он наблюдал в судах и во время следственных экспериментов. Еще с десятков лет на должности юриста – и он бы стал знатоком лукавого женского взгляда, но... в европейском его исполнении. В Азии нужно больше практики. К примеру, Китти краснела от каждого прикосновения и даже раз сказала по-английски: «Я стесняюсь». И как Дима не обратил внимания, что из тысяч английских слов Китти знает только эти?

– Японское колдовство и ничего больше! – чертыхался герой-любовник, в третий раз выворачивая карманы посреди незнакомой комнаты, где из всей мебели на стене висел крошечный телевизор, а на полу валялся измятый матрас.

Но даже с третьего раза в карманах не появилось ни одной бумажной денежки, только обильно высыпались медяки. Зато кредитные карточки, с которыми Дима связывал одновременно и финал своих взаимоотношений с кошечкой-воровкой, и безопасное обналичивание своего немецкого счета, преспокойно лежали в сумке, в тайном кармашке.

– Да, Бог есть, японский Бог!

Дети спасут мир

Дима аккуратно выглянул за дверь и обнаружил там длинный коридор без окон, оканчивающийся большим холодильником. По этому гиганту он вспомнил вчерашнее карабканье по лестнице, молоденькую таксистку-женщину, которая на пару с Китти провожала моряка до самой двери отеля и которую при этом удалось и обнять, и чмокнуть в щечку. О, каким отменным был вчерашний день с плаванием на катере по большим волнам, поездкой в скоростном поезде, прогулкой по большому городу!

Без зазрения совести – «меня и так Япония обокрала, теперь и пива нельзя, чтоб успокоиться?!» – Дима достал из холодильника три бутылки, принадлежавшие неизвестно кому. В комнате можно было только бухнуться на матрас и включить телевизор, что он и сделал. Шла детская программа, он пошарил по каналам, но от говорящих голов и непонятной рекламы снова вернулся к передаче для самых маленьких. Что-то притягательное было в невинных сюжетах – никто никого не обманывал. Хоть на экране и появлялись взрослые, но и они были подчинены негласному закону детского мира. Удивительным образом главным персонажем, режиссером и актером был какой-то карапуз. Не отрывая глаз, Дима смотрел, как он движется, повелевает взрослым проделывать всякие штуки, и те беспрекословно его слушаются. Зрителю делалось понятно, что сюжет строится не от задумки умудренного жизнью сценариста, а прямо там, на съемках, и задача больших людей – только подыгрывать, не нарушая детской воли.

Программа была чересчур правдоподобной! Все совсем как в жизни: карапуз набрел на барабан не барабан – одним словом, гремелку, и стал как попало стучать по ней: бум-бам, бум-бом. Ни мелодии, ни ритма, один шум. Тут бы остановить озорника, но никто не вмешался, а карапуз продолжал себе стучать – и все это в эфир, все без перерыва на рекламу.

Дима смотрел и удивлялся такому непривычному зрелищу: «Когда же ему надоест колошматить?» Будто повинуюсь Диминой воле, барабанщик оставил свое оружие и... взялся за другую гремелку, сопровождая какофонию звуков подобием пения, похожего на мычание и урчание одновременно. Все это шло и шло в эфир, околдовывая Диму абсурдностью и очарованием смелой подачи материала.

Сколько сверстников разгулявшегося барабанщика сейчас с восторгом, должно быть, наблюдают за представлением нового кумира, столько же хотят быть похожими на него и наверняка достанут из-под кровати самую шумную игрушку и повторят подвиг карапуза!

Дима видел, что шум, который создает барабанщик, кажется таковым только зрителю, вернее сказать, только взрослому человеку. По выражению личика, по блеску глаз, по самой атмосфере вокруг тела крохи – по всему было видно, что для ребенка в этом и есть покой, проявление его естества, его отдых, ну, все для него. Если нет шумной игры, то делать в жизни нечего, скука, одни слезы или бессмысленный сон. Лишь звук, движение игры, возгласы и разговоры с невидимыми героями игр дают карапузу мир.

«Совсем не так со старшим поколением, – подумал Дима, – чтобы успокоиться, трех поллитровок с пивом недостаточно, вдогонку надо принять лекарства...»

Не к месту вспомнилась встреча с акулами, и Диму передернуло. Он стал снова смотреть детский канал. Так он провел часа полтора, пока в комнату не постучали.

– Секашеру оремуто сото, – произнесла голова, просунувшаяся в приоткрывшуюся дверь. Волосы пепельного цвета, аккуратные, словно нарисованные, брови и большие от удивления глаза. Принадлежала голова женщине пожилого возраста, во что она одета, видно не было. Дима все понял – просят покинуть помещение.

– Пять минут! – крикнул по-английски Дима, и голова скрылась за дверью.

В лобби на первом этаже он задумал проверить ту же штуку, что хотел сделать вчера вечером, – сослаться на непонимание языка и попросить снять деньги в ближайшем банкомате.

Но вот досада, плутовка за все заплатила, что не стоило ей многого, поскольку гостиница была японской традиционной, а с местных брали по-божески.

На выходе Диму посетила новая идея: сделать покупку через интернет с тем, чтобы доставили в эту самую гостиницу. Визитку он захватил на выходе. К тому же, хотелось есть, и идея заказать суши казалась привлекательной, поскольку даже в его селении под Ганновером японскую еду могли всегда доставить курьеры. Найти интернет-кафе не заняло и часа, затем час ушел на поиск суши в районе Токио-со, где, как выяснилось, Дима теперь искал удачу. По его планам, нужно было поджидать рядом с отелем и убедиться, что нет полицейского хвоста. Но эта шпионская уловка не пригодилась, поскольку ни один интернет-магазин не хотел принимать европейские карточки.

В этом же кафе сидело до десятка молодых японцев, и все, как один, играли в компьютерные игры через интернет. Создавалось ощущение, будто играют они друг с другом, при этом никто ни разу не посмотрел на соседа. Диму разрывало от негодования: как эти люди черствы, они не видят ни его, потерянного и несчастного, ни даже ближайшего к себе человека, играющего точь-в-точь в такую же игру. Нет, в Германии это выглядит по-другому!

«Хоть бы один отвлекся и помог с этой проклятой карточкой! Меня убеждали, что она будет работать по всему миру, – кукиш!» Но тот же кукиш ему показал и немецкий сайт, когда владелец карты попробовал с ее помощью пополнить свой счет за домашний интернет. Электронное сообщение с родины возвестило, что на счету недостаточно средств. Но нужно-то было всего двадцать евро – как так?

Дима почувствовал, как у него перехватило дыхание от мысли позвонить фон Либену. Он стал взвешивать в уме, сомневаться, делать прикидки и прокручивать сценарий разговора. Дыхание шалило. «...Ведь просто – надеть наушники, набрать номер... а кто поднимет? Может, на мобильный? Так ведь старый черт не всегда его берет... Вот, заодно про Око Сострадательное расскажу – уволить негодяя сегодня же... барон не знает, кого у себя держит. Мало ли капитанов на свете? Завтра же замена найдется...» Но тут он прервал свою мысль, поскольку один тинэйджер оторвал взгляд от своего монитора и пристально посмотрел на Диму. Паренек думал о своем, но смотрел сквозь Димино тело куда-то вдаль и потом так же резво нырнул обратно в свою игру.

«Нет, пожалуй, такого не найдется!» – закончил мысль о капитане отчего-то испугавшийся юрист.

Набирая номер Кростхауза, Дима размышлял о том, что становится суеверным. Пошли гудки, и сразу подняла тетя. Без пауз и запинаний Дима стал тараторить по-немецки так бойко, что на него неотрывно смотрели уже не одна, а несколько пар глаз. Он производил в игровом мире тинэйджеров культурный переворот.

И минуты не прошло, как тетя Хельга узнала, что племянника занесло в страну Восходящего Солнца, что ему здесь не надо быть и пусть она «пожалуйста, пожалуйста» сделает все, как он просит, и не задает вопросов, которые не помогут ни ему, не ей. Хоть и говорил племянник быстро, но и внимателен был до крайности. Что тетя пытается вставить между его слов, как вздыхает после каждой его фразы, что приговаривает: каждое «ну-ну» и «да постой же!» он трактовал по-своему и на основе известной истины, что у страха глаза велики. А Дима боялся, боялся всего, что могла сказать тетя. Не желал он знать ничего: ни что сейчас происходит в его доме, в Кростхаузе или Шлоссе, ни о здоровье барона, а ее здоровье волновало молодого человека в наименьшей степени. Не хотел он слышать о ходе следствия, а по всем тетиным всхлипам выходило, что она жаждет рассказать именно об этом.

– Пришлите мне срочно, экспресс-почтой карту системы Джей Би Си. Это японская такая шутка для иностранцев. Да, приколы такой местный, европейские здесь не уважают. Не знаю, тетя, как-нибудь, сами сходите в банк, пусть к вам пришлют человека, записали букочки? Повторю – Джей, наша Йот, Бе, Це... сколько вам не жалко... но не меньше пяти тысяч,

хорошо-хорошо, пусть будет три, только три с половиной... Нет, три с половиной... Что, будем сейчас по международной линии торговаться? Кладите четыре тысячи и не ошибетесь, все отдам – слово моряка! Продайте мою машину, наконец, она не меньше семи стоит... Это не я побил, это в меня въехали, должны были по страховке отремонтировать... Да она и побитая семь с половиной, а то и все восемь! Давайте уже об этом закончим, а?! Ключи в куртке... ах, нет, куртка здесь. В камине под решеткой железный ящик, там запасные. Боже, какой базар мы развели... тут люди тарашатся.

Тетя все-таки ввернула словечко о следствии: что оно в тупике, но Дитера очень хотят видеть в качестве свидетеля и все такое. «Хотя от них намеки, намеки... барон говорит, что рано!»

– Да, да, да, – с интервалом в секунду повторял племянник, делая каждое последующее «да» более чеканным и жестким. Он, наконец, прервал тетю и попросил ее запомнить три вещи: она не знает, где племянник, он ей ни разу не звонил, и последнее – адрес отеля в Токио, куда прислать карточку, «и, ради Бога, никаких денежных переводов. На отель, экспресс-доставкой в номер шестнадцать, и точка!» Адрес отеля Дима произнес с носовым акцентом, до сих пор встречающимся в деревнях Нижней Саксонии – звуком, абсолютно непостижимым для японского уха.

– Гюнтеру мои лучшие пожелания!

– Гюнтеру? – почему-то переспросила тетя.

– Да, барону... И скажите ему, что он жестоко ошибся в капитане. Этот человек не тот...

Дима осекся, поскольку в компьютерном зале вдруг воцарилась небывалая тишина, и, окинув взглядом игроков, он ужаснулся – все они уже стали слушателями. Дима резко нажал сброс вызова, зачем-то пригнул голову и затаил дыхание. Только через две долгие секунды эфир стал наполняться милым уху шелканьем клавиш.

Курящий остров

«Все я себе накрутил, они не поняли ни слова, ни полслова. Что я такой мнительный... все это страх, страх! Правильно говорил капитан, со страхом надо расправиться. Как будто страх запросто включается-выключается. Без страха мы бы тут поубивали друг друга. Так что страх нужен... Ой, да я же не все сказал, надо еще раз позвонить! Но что, если барона слушают?! Так и, наверное, слушают – меня дома нет, а он единственный канал. Нет, с этого компьютера больше звонить не буду». С этими мыслями Дима быстро вышел из зала, потом забежал назад, заплатил и опять выбежал.

Ждать ему еще не меньше пяти дней: пока выпустят карту, пока та дойдет до Японии, и то, если тетя все сделает сегодня. Брел он по улице и думал, думал. И о том, что уже вечером не на что будет есть, что оставленная в отеле в залог карточка пуста и, если Съе задумает снять через терминал оплату за три дня, выйдет неприятность. «Позовут полицию, и ведь позовут! Может, конечно, и нет – спокойно здесь все же, даже в моем немецком поселке нет такой безмятежности».

«Вот бы сейчас покурить! – пожелал Дима. – Как это я раньше не хотел? Забыл, что ли? Вот так штука... Ах, про негодяя-капитана не успел рассказать, ну как так?! Ведь геймеры там курили, точно-точно, дымили как паровозы, когда увидел, что они меня слушают, дым стоял стеной». Он стал припоминать, что в его миниатюрном отеле здорово пахло прямо возле ресепшена. Съе – обладательница седой головы и по совместительству хозяйка отеля – тоже пытела и... прямо там же, в лобби стоял автомат по продаже сигарет. Поскольку здесь курили, там курили, а повсюду вокруг висели грозные объявления, что за курение в этом месте непомерный штраф, – это создавало ощущение, что ты накурился и уже преступник.

«Вот придумали штуку: и не дымишь, а всегда будто только покуривши!» С этой мыслью Дима подошел к табачному автомату наподобие того, что стоял в их отеле. Полная неразбериха с иероглифами, неприятность в виде встроенной видеокмеры и, непонятно зачем, крупное зеркало. В нем Дима узрел свою сосредоточенную, заросшую щетиной физиономию; добавь к ней дымящуюся сигарету – и получишь лицо асоциального элемента. Минуты три заняла возня с кнопками и вставление карты в приемник, но аппарат попался привередливый. Ни Димина карточка, ни лицо владельца карточки, ни манера обращения с утонченной техникой – это все аппарату было не по нраву. Позднее Дима разузнал про эти машины и, осведомись он заранее, не стал бы так высокомерно обращаться с железным изваянием. Оказывается, табак-машина была призвана не столько продавать сигареты, сколько давить на совесть курильщиков. Чтобы купить у нее самую задрипанную сигаретку, нужно было пройти изнурительную подготовку задолго до заветного приобретения. Камера, которой испугался Дима, имела выход не на Интерпол, а в обширную базу данных молодых японцев после восемнадцати лет. Сначала она делала снимок, потом запрашивала данные паспорта, все это сверяла и назначала несчастному курильщику день, когда тот может снова прийти к этой машинке и получить из ее чрева... нет, не сигарету.

В Техасе или Сан-Паулу такой аппарат просто разбомбили бы с приходом первых сумерек, но в Токио черный обелиск с носом-камерой и оком-зеркалом чувствовал себя уверенно. Так вот, в назначенный день изнуренный курильщик под наблюдением камеры получал пресловутую карточку, серую и невзрачную. Но в пластик был вшит чип с индивидуальной информацией, и без этой чертовой карты ни один обелиск не соглашался продавать сигареты. Но и это полбеда. Серая чипастая карта делала ее владельца членом совсем незавидного клуба курильщиков и являлась своего рода удостоверением: «Я курильщик и наплевал на здоровье, отравляю других, и все эти угрожающие штрафами таблички – это все про меня!» Так страна мучила своих курильщиков.

Электроника отбирала последнюю надежду на успокоение у человека, сбежавшего со своего корабля, лишившегося всех денег и растратившего душевное равновесие. Зеркало немилосердно отражало истерику человека, и Дима плюнул на зеркальный лик, но, убоявшись, принялся рукой стирать это недоразумение. Когда стекло очистилось, он увидел то, чему не поверили его глаза. В отражении прямо позади Димы стояла она.

Отраженная

Каково бывает человеку, если он видит ожившего покойника? Примерно так чувствовал себя Дима, позади которого виднелся знакомый силуэт. Девушка была в шлеме, она только что слезла со своего скутера и все еще стояла спиной к Диме и его зеркалу. Но фигура и движения во всем напоминали Анн. Вот она сняла шлем, повесила его на ручку скутера, встряхнула волосами, и они рассыпались по плечам – сомнений не было, все детали Диме были хорошо знакомы. Он зажмурился и тихо повторил:

– Тебя нет и не может быть! Тебя не было... Все это давно, в прошлой жизни.

Спиной Дима чувствовал, что живое существо из костей и плоти стоит сзади и вот-вот увидит его, чего нельзя было допускать! Если такое произойдет, все окажется правдой, злой и мучительной правдой, и этой правде придется поселиться в жизни молодого юриста и оставаться с ним до конца его дней. Это невыносимо. «Тебя нет, нет!» – твердил он. В это время произошло движение, и послышалась посторонняя речь. Сзади него было двое, и второй голос принадлежал мужчине. Усилием воли Дима открыл глаза и уставился во встроенное в дурацкий табачный автомат зеркало, которое показывало, как он и она зашагали в его сторону с намерением купить сигарет. Мужчина был незнаком, а женщина... Дима все еще думал, что это восставшая из могилы Анн.

Испуганный, он быстро нагнулся, запустил руку в карман куртки, по-видимому, полагая, что там тайная кнопка, которая одним нажатием отключит наваждение. Кнопки не было, но зазвенела оставшаяся мелочевка. Недолго думая, Дима зачерпнул всю охапку и со звоном высыпал на асфальт. Монеты заскакали в разные стороны, и он бешено стал их собирать, на корточках переползая все дальше и дальше от опасного места. Он делал вид, что разыскивает укатившиеся иены, и не обернулся, когда его окрикнул сзади тот самый мужской голос.

Через минуту Дима уже был за углом, не вполне понимая, как смог преодолеть такое расстояние. Теперь вместе со страхом им овладело любопытство: что делает уцелевшая Анн в тысячах километров от Германии, на другом континенте? Душа заставила его бежать, и он сорвался с места. Сначала влево, через два квартала еще один левый поворот, потом еще – пытливому разуму не терпелось узнать, что делают эти два фантома возле табачного аппарата.

Сначала он увидел желтый скутер и, сообразив, что надо быстро прятаться, перепрыгнул невысокую ограду частного дома. Ему пришлось на цыпочках пробираться до места, откуда можно было видеть эту парочку. Фантомы теперь стояли к нему спиной, и из-за этого лица были по-прежнему скрыты. Однако теперь Дима был не столь уверен, что перед ним Анн. Волосы!

Пышность и объем те же, в целом похожая фигура, но... Анн никогда не красилась в белый. Этот цвет ей не шел, и она знала это с детства, Дима же видел явно выбеленные волосы, и это зародило в нем приятные сомнения. Сердце уже не так стучало, но тревога осталась – иначе почему бы он стал бояться, если все нормально?

Наконец, в пресловутом зеркале посреди табачной колонны мелькнуло лицо. Дима готов был поклясться, что знает его. Ну, разумеется!

В двадцати метрах от него, выключившая у парня вторую пачку сигарет, стояла воровка и развратница – Китти.

Две по сто

«Разогнаться на драндулете и въехать в нее сзади! Нет, придурок этот рядом – сломается у девки что или головой стукнется, он доложит... Что, если потом рвануть отсюда? Лажа! С острова не убежишь, тоже нашелся гангстер – решает тут, как профессионал... Так повяжут, что в обеих странах намотают срок и на волю отпустят дедушкой...» После пары незрелых предположений Дима решил не мстить на месте, а сочинить, как половчее отобрать свои деньги назад.

Как он и предполагал, Китти вела очередную жертву. Черноволосый японец в белой офисной рубашке, при галстукке, но без пиджака еле удерживал на плече плоскую сумку с ноутбуком и документами, постоянно норовившую соскользнуть до локтя. Китти все время поправляла сумку назад и наверняка успела увидеть, чем в ней можно поживиться. Мужчина был «нахороше», а подружка вполне себе соображала: она успела выклянчить себе пачку курева, а сама стреляла сигаретки из его кармана, на что он хохотал и пробовал прикурить для нее, но всегда мазал.

На такого клиента не нужно много времени, чтобы рассудок ушел в подпол, – девушка знала схему. Теперь они должны пойти в уединенное место, он будет пить и угощать, она – делать вид, что ей хорошо, ей давно уже за глаза, ей хватит. «Ах, как же я так попался! – переживал Дима. – Неужели нельзя было догадаться?!» Он проследил за ними до самого места – это был такой же неприметный отель. Когда Китти проделала всю процедуру регистрации и, подхватив жертву под мышки, пошла заволакивать его на этаж, Дима вскочил в лобби и уставился на стол с отверстиями для ключей. Какой же у них номер? Спрашивать, по понятной причине, было небезопасно. Он сунул секретарше свою банковскую карточку, и та принялась изучать надписи, ни одной из которых не могла разобрать. Пришлось показывать паспорт, и подозрительная хозяйка сделала запись в свою книгу: иностранец в традиционном отеле вдвойне иностранец!

Через полчаса Дима отыскал номер Китти – благо он оказался на одном с ним этаже. Ждать, ждать и ждать – вот все, что оставалось преследователю. В коридоре можно было навлечь на себя подозрение, и он прислушивался в своем номере, вскакивая с циновки при каждом шорохе. Прошел час, другой, Китти не выходила – может, она грабит не всех, только иностранцев, а может, черноволосый и впрямь ее друг. Дима отказался от сочинения сценариев.

В такой нервный час казалось, что похожую ситуацию переживал он на «Робоколе», но не мог припомнить, с чем это было связано. В промежутках между шорохами из коридора и последующим частым сердцебиением, когда он на несколько минут успокаивался, в голове возникали сцены с проводами солнца. Особенно та, с прожектором мощностью с целую электростанцию. Был ли тогда испытан военный лазер или иное оружие, но солнце по правде стало видно позади гигантского пирога циклона. Что-то поистине из ряда вон!

С того раза Дима чаще стал обращать внимание на светило. Ему казалось, пусть это и выглядело абсурдом, что солнце тогда... в какой-то степени помогло. В том смысле, что должно было добавить себе яркости, силы, сделать шаг вперед к «Робоколе». Дима почувствовал в тот ненастный вечер, будто солнце не далекая древняя звезда – оно живое существо, и слово «живое» – самое подходящее определение.

Попав в Японию, он уже относился к светилу иначе, как порой относятся к неизвестному дети, – они его уважают и немного боятся, и, лишь повзрослев, осмеливаются задать взрослому вопрос про непонятное явление. Пока же чада не сообразят, что про это можно спросить, есть такой период времени между обнаружением чуда и развенчанием его путем рационального

объяснения взрослого; как раз такой похожий период переживал Дима. Спросить, поискать каких-то толкований еще не приходило ему на ум. Загадка продолжала оставаться загадкой.

Свет комнатной лампы отражался в стакане, и Дима нет-нет да и поглядывал на яркий блик, может, поэтому из головы не шла солнечная шарада. «Что, солнце, поможешь?» – неожиданно подумал он, и в голове вскоре нарисовалась вся схема.

Дима подхватил стакан и бесшумно выскочил за дверь. На дно стакана легли две оставшиеся монетки по сто иен. К счастью, между коридорной бамбуковой дорожкой и дверью в номера было небольшое пустое пространство. Димин стакан с деньгами встал на бетонный пол, почти прислонившись к двери, за которой проводили время Китти и ее дружок. Стакану, вернее, его свойству звенеть и разбиваться, предстояло определить, был ли черноволосый честным, законным другом девицы или очередной жертвой. Пока же Диму ждал детский канал на крошечном телевизоре – новое японское развлечение немецкого юриста.

Незаконный

Ловушка сработала довольно поздно, Дима еле успел прибавить громкости в телевизоре. Девушка зашипела в ответ на неожиданное звяканье, а потом притаилась. Но было поздно – Дима преодолел внушительное расстояние до ее номера и сделал это так быстро и бесшумно, что она не успела связать два явления. Но и Дима не был профессионалом. Схватив ее за локоть, он растерялся: до этого ему не подумалось, а сейчас он понял, что она ведь может закричать. Но она шипела, как шипят встревоженные ежи. Дима неумело закрутил ей руку за спину и ее ногтями ободрал себе кожу на запястье. Другой рукой он попробовал заткнуть ей рот, но при этом сильно измазался в помаде.

Наконец они оказались в Диминой комнате, и тут он немного осмелел. С размаху он вlepил Китти смачную пощечину. Очень неожиданно и, главное, резко получил от нее ответную. Его щека загорелась, и на пару секунд он оказался дезориентирован. Китти рванулась к двери, но путь оказался отрезанным. В отличие от него, у девушки навыки ориентации в трудную минуту оказались куда лучше. Только вот одно: она почему-то не издавала никаких звуков, а Дима боялся всего больше не ее движений, а именно крика. Юрист накинулся на беззащитную жертву и снова попытался зажать ей рот. Но тут она преобольно укусила его за палец, и вместо нее закричал он сам. Его спасла только реклама подгузников по телевизору – на высокой ноте малыш давал свое громкое японское «о'кей» толстому памперсу.

То ли укус, то ли подбадривающий толстый карапуз с экрана, а, может, вырвалось что-то скрытое в подсознании, но Дима вдруг ощутил необычайное вожделение. Наверное, в его глазах отобразился огонь, потому что только это впервые напугало девушку. По ее взгляду можно было заключить, что бедняжка не знает, как сопротивляться такому зверю.

И вдруг – Дима готов был поклясться, что глаза его тогда не обманывали, – на детском канале рекламу сменила компьютерная игра. Сама по себе никакая игра не смогла бы остановить его страсть в ту минуту; но то, что было в игре, заставило замереть. На характерном для игр ядовито-лиловом фоне, имитирующем море, прямо по цифровым волнам шла... «Робокол» и гудела, жужжала и чуть не орала каким-то неистовым звуком. Если все элементы игры на том телевизионном экране были с неровными, зубчатыми краями, напоминавшими, что игра родом из девяностых годов двадцатого века, то судно было выполнено в превосходной современной графике, и поэтому не было сомнений, что профиль был именно того корабля. Камера стала наплывать на мыс посуды, и, к невероятному изумлению зрителя, сначала из незаправдашной воды выскочила незаправдашняя золотая рыбка, а когда невидимый рыбак подхватил бедную на крючок и уволок из поля зрения, на борту приблизившейся посуды Дима прочитал криво написанное название – «Скайбриз».

Если быть точным, сначала он подумал, что все померещилось, но кораблик с экрана не исчезал и, хотя раскачивался на ненастоящих волнах, все также гордо нес свое название. Дима снова и снова перечитывал английское «Скайбриз». Но его шок на этом не закончился, поскольку из кают-компания весело выкатился белобрысый англичанин, а в том, что это был именно англичанин с патрульного катера береговой охраны, Дима не сомневался. Так вот, капитан вытащил огромный ластик, перегнулся наполому и стер название, быстро начиркав другое. Пересохшим ртом Дима попробовал проглотить слюну, но только засадило горло. Название, написанное белобрысым, шло мелким шрифтом. Перескочив через Китти, Дима рванулся к телевизору и прильнул почти к самому экрану. Надпись на корабле гласила – «Sunshock» («Солнечный шок»). Потом белобрысый оголился и подставил под солнечные лучи свою треугольную спину. На весь экран возник поднятый большой палец белобрысого и смачный звук «Вау!»

Наверное, физиономия юриста вызывала подлинное сочувствие. Девушка могла бы пять раз убежать, но, словно околдованная, сидела на полу. Ее лицо было измазано помадой и выражало недоумение и даже жалость к нравственно поверженному. Так юные владельцы котят и щенков смотрят на неудачи своих питомцев, глазами говоря: «Ну, и глупенький же ты у меня!» Прискорбно, что Дима сам не понимал, что произошло, – не понимал умом, но концы событий неминуемо сводились в его голове, изо всех сил тянулись друг к другу. Тонкая стенка отделяла молодого человека от осознания только что увиденного.

– Ну, я пойду? – наконец, произнесла девушка по-английски.

– Ага... Давай деньги и иди.

– Ага. Сколько я у тебя... заняла?

– Ты заняла у меня... тысячу евро, иен там тысяч пятнадцать, не помню – давай что есть.

– Все не дам, – грустно ответила она, – мне самой надо.

– Ты знаешь, мне тоже надо – за отель мой заплатить, тут тоже за ночь, ну, на еду еще.

Китти видела, что у осы вырвали жало, но парень брал на жалость. Она достала кошелек и отсчитала несколько бумажек, но подходить к раненой осе не решилась, а положила деньги на матрас.

– Пока, – поговорила она и быстро выскочила в коридор. По лестнице заскучали ее каблуки, но во втором лестничном пролете она остановилась, по-видимому, сняла туфли, чтобы ускориться. Вскоре все звуки исчезли, лишь через пару минут вдалеке затрещал скутер, потом все стихло.

Дима с опасением взглянул на экран, на нем уже не было изображений, и на синем фоне горела надпись из иероглифов. Эта буквы должны были значить что-то важное, поэтому Дима вынул из сумки ручку и переписал значки с намерением узнать их тайный смысл.

Бездельник

Девушка дала совсем не щедро, но в самый раз, чтобы заплатить по счетам и не умереть с голоду. Визит в страну Восходящего Солнца мог продолжаться. Дима проспал до часу дня, и воспоминание о детском мультике притупилось. Становилось понятно, почему японское аниме десятилетиями оказывает неповторимое воздействие на детей по всему миру. «Поистине глубинный, взрывной эффект», – произносил про себя Дима, каждый раз вспоминая ночной эпизод. Помогла ослабить шок и захваченная из отеля Китти упаковка с баночным пивом – японцы крайне непредусмотрительно оставляют такие ценные вещи в холодильниках на этаже. Дима решил, что при угрозе голодной смерти обойдет близлежащие отели и, как выразилась Китти, «возьмет в долг» еды.

Однако после обеда Диму догнал здравый смысл и потребовал объяснений случившемуся. Для этого хорошо было бы перевести иероглифы с финальной заставки, но пока, кроме Китти, ему не встретился ни один худо-бедно понимающий английский язык. Мысли роились в мозгу, им не хватало места, и это вынудило Диму отправиться на прогулку. Инстинкт шептал, что лучше бродить по разным местам, чем пребывать в одной точке: современные системы геолокации и всевидящие камеры токийских кварталов делали частную жизнь невероятно прозрачной. По своей немецкой деревне он знал, что можно запросто обмануться безмятежностью тихих улочек, где в действительности жители непрерывно следят за обстановкой из всех окон, – обо всех нарушениях сообщается сразу же, а из-за неправильно припаркованной машины полицейский постучится уже рано утром.

Уподобиться местным и не выделяться из толпы означало спешить в начале дня на работу, а к вечеру, изображая изнеможенное лицо, плестись домой, зайдя по дороге в супермаркет. Пока тетя не пришлет заветную карточку, занятий не было. Прогулочным шагом, против толпы, растекающейся по домам, Дима шагал в сторону высоких зданий на горизонте. Но, зайдя в офисный центр, он наткнулся на такое количество камер и сотрудников секьюрити, что немедленно ретировался. Всего-то ему хотелось забраться повыше и полюбоваться погружающимся в сумерки городом. Такое было невозможно и в пятнадцатизэтажке – из-за высокого процента суицидов ограда верхних площадок походила на дизайнерский вариант заграждений из колючей проволоки.

Наконец Дима увидел строящийся мост эстакады, работы на нем не велись. Как и подобает в Японии, на всех въездах и поворотиках к этой архитектурной дуге грозно стояли мигалки и суровые запрещающие знаки; на одном был изображен стрелок, из ружья убивающий нарушителя зоны. Но так можно испугать мнительных азиатов, а не юриста, который понимал, что картинкой сэкономили на живом охраннике. Если вдруг... так у него близорукость: знаки путаные, да и чистота... Запретных табличек для курильщиков в Токио больше, чем автобусов, но прямо под знаком то и дело кого-то поджидает подросток с сигаретой, а иной раз родители, покуривая, удобно располагаются напротив знака с пятизначным штрафом и ждут, пока их дитя попросится со сверстниками и причалит к ним на накуренный островок.

Так что нарушитель запросто перелез через оградку и стал взбираться по эстакаде, пока не дошел до обрыва, где из дорожного полотна в никуда торчали две сваи. С этого места открывался грандиозный закат, так что любой попавший на эту стройку не пожалел бы о своем нарушении.

– Время прощания с солнцем, господа! – произнес Дима, по-шутовски поклонился и шаркнул ногой.

Спецзадание птиц

Всего минутой раньше точно такую же фразу произнес капитан Сострадательное Око и три раза звякнул в корабельный колокол. Вскоре команда стояла на палубе и смотрела на запад, куда опускался дрожащий оранжевый диск. Только свист ветра да привычное лязганье штоков вмешивались в идиллию заката, но не нарушали ее – благодаря плавным звукам четче представлялась необъятная тишина и мистицизм такого неизменного за миллион лет и вечно нового явления – заката солнца.

Мужчины полминуты постояли после исчезновения диска, а потом стали молча расходиться. К Раулю сзади подошел капитан и тронул его за локоть. Парень вздрогнул. По тому, как тот испугался, Сострадательное Око заключил, что время не пришло и, вернее всего, в минуту заката Рауль думал о своем, о чем-то беспокоился или вынашивал план. Новичку не было дела до того, что происходит на корабле и на водах, через которые проходит корабль. Капитан выразил мнение, что в этом они похожи с Димой.

– Сэр, я не знаю моего соседа. В первый день я дежурил, а он уплыл на катере, с тех пор не приходил. Но, доложу, этот Дима неряха, мне пришлось убирать, и до сих пор я не все разгреб. Как вы таких матросов держите?

Капитан поинтересовался, не беспокоит ли его что-нибудь еще, кроме нерадивого соседа?

Рауль пожал плечами:

– Я вот не пойму все насчет ваших ритуалов. Поспрашивал, никто толком не объяснил... Пожалуй, вот это.

На выдохе капитан ответил, что не помнит, говорил он или нет, – корабль здесь главное капитана; как и Рауль, капитан несет здесь вахту, и еще до его прихода установилась традиция. Как и остальные моряки, и десять, и двадцать лет тому назад он каждый день по два раза выходит на палубу и делает в точности то, что другие.

– Все же это... непонятно.

– Дорогой друг-человек, ты не замечал, что, когда все становится понятным, минутой спустя подступает грусть? Но и это половина человеческой беды, мы же с тобой в человеческом мире, не так ли? Сегодня я поглядел на тебя, поэтому и остановил. Вижу, ты гоняешь туда-сюда десятка два мыслей, которые давно стали понятны, однако они не отпускают тебя, а ты их не прогоняешь. Узнанное утрачивает привлекательность, причисляясь к тому, что годами накапливается в человеческом мозге. Чтобы не почувствовать от этого горечи, чтобы узнать новое и восхититься им, надо получить освобождение.

Ты в галюон ходишь по этой же причине – неуютно ведь все в себе держать, так?

Капитан вывернул ноги крестиком, а корпусом подался вперед, будто сгорал от нужды немедленно опорожниться. Потом произошел действительный, довольно громкий выхлоп газа, и, не меняя позы, капитан стал пятиться в направлении кают-компания, где находился ближайший галюон. Два или три голоса искренне рассмеялись где-то позади, а, когда капитан скрылся за дверью, Рауль сморщил нос от резкого запаха сероводорода.

Хотя ему было не смешно, он подумал, что Элизия лопнула бы со смеху, увидев эту сцену или даже Расскажи он ей этот случай. Волей-неволей он улыбнулся: «Капитан, по ходу, шутник. Но что он там ввернул про мысли? Главное, хитрец, так и не объяснил ритуала – точно пиратская традиция! Головы сейчас они не отрубают, вот и сочинили...»

Не успел Рауль додумать, как ему предстало еще более странное явление. Джентльмен, явно не из числа матросов (поскольку одет он был в белый пиджак, такие же брюки и рубашку немного старомодного кроя со складками), стоял вдалеке, у носа корабля, и делал непонятные жесты. Пока капитан разыгрывал фокус, своим телом он заслонял обзор; а когда ушел один

«клоун», возник этот, будто на сцене сменили друг друга эквилибристы. Белый не просто танцевал на месте, а шурился, наводя взгляд на тоненькую палочку или трубку, которую держал зажатой между ладоней.

Рауль встал как вкопанный. Дело в том, что сам человек, как бы странно он ни выглядел, не приковал бы его внимания; шутку сыграла вся сцена. В небе за «танцором», точно с северо-востока, на площади в десяток квадратных километров надвигался настоящий тихоокеанский тайфун. Находясь над морем и пока не достигнув берега, он имел исполинский вид. Но и это не все. Так же резко, как костюм танцора, на фоне неба выделялись белизной птицы. На чаек Рауль насмотрелся сполна, но сейчас готов был поклясться, что эти твари были минимум в два раза больше. Без сомнений, птицы хищные, и всего Рауль насчитал восемь. Появление в открытом море птиц, причем таких размеров, могло говорить об одном: рядом должна находиться земля. Одна птица спикировала и по наклонной понеслась на танцора. Из-за шума, поднятого моряками ввиду приближающейся катастрофы, белый джентльмен ничего слышать не мог, к тому же, он был погружен в свой странный танец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.